

ИННА РАЗИНА

НЕПРОШЕННЫЙ
ДАР

Инна Разина

Непрошенный дар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68434975

SelfPub; 2022

Аннотация

От любви до ненависти один шаг. А у нас с Егором было много таких шагов. Однажды мой бывший жених бросил мне в лицо: «Да я каждый день бога благодарю, что он избавил меня от тебя!» А потом стал моим тюремщиком. Я сама разбудила в нем зверя, смогу ли теперь справиться с ним? А ведь мне так нужна поддержка. Мой привычный мир рушится на глазах, засыпая все вокруг обломками. Мне больше не за что зацепиться. Ни в ком не найти опоры. Станет ли ей человек, которого я ненавижу?

Содержание

1.1	4
1.2	9
1.3	18
1.4	26
2.1	43
2.2	52
3.1	58
3.2	67
3.3	80
3.4	89
4.1	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Инна Разина

Непрошенный дар

1.1

– Черт, скорей бы уже диплом, защита, и прощай институт! Я так устала, а еще только март. Как думаешь, эта жуткая холодина и на преподавов действует? Иначе, с чего они так зверствуют. Видела, как я сегодня от Крановского еле отбилась? Представляешь, что он со мной на госах сделает.

Ответить на эту эмоциональную тираду я не успела. Олеська с трудом толкнула высоченную деревянную дверь, и ледяной ветер мгновенно пронизал нас до самых костей. Подняв выше воротник шубки, я плотнее закуталась в шарф и ускорила шаг. Впрочем, на покрытом скользкой коркой тротуаре не очень-то разгонишься. Так что пока доберемся до моей машины, припаркованной на институтской стоянке, успеем полностью продрогнуть. Поскольку я выполняла добровольно взятое на себя обязательство после занятий подбрасывать Олеську до метро, подружка топала за мной, то и дело поскальзываясь и бормоча всевозможные ругательства.

Наш институт располагался в центре города, но улицы вокруг были пустынные. Редкие прохожие, натянув пониже капюшоны, спешили в спасительное тепло своих домов или хо-

тя бы общественного и личного транспорта. Мы свернули в переулок, ведущий к парковке и едва не столкнулись с шедшим навстречу стариком. Сгорбленная спина, седая борода и густые брови, торчащие из-под шапки ушанки, делали его похожим на персонажа из народных сказок.

Дедушка притормозил и повернул голову. Неожиданно острый и даже пристальный взгляд заставил меня сбиться с шага. А старик вдруг крепко ухватил меня за рукав, внимательно изучил мое лицо, улыбнулся и пробормотал:

– Всё у тебя будет хорошо, зря она беспокоится... Опасного человека рядом с тобой вижу, это правда. Поосторожнее с ним надо. И не верь никому, слушай свое сердце. Сначала будет тяжело, но ты справишься. А потом всё наладится. Ладно, пора мне...

Дедок отпустил мою руку и продолжил свой путь. Провожая его взглядом, я с удивлением отметила, что со спины он кажется гораздо моложе. И даже сутулость куда-то пропала. Ощувив досаду, я повернулась к Олеське и недовольно нахмурилась. С выпученными глазами и открытым ртом подружка выглядела довольно глупо. Я тоже пребывала в растерянности, но особого потрясения не испытывала. Мало ли психов бродит по нашему городу, что ж теперь каждое их слово всерьёз воспринимать? Впрочем, тут я лукавила. До сих пор ничего похожего на сегодняшнюю встречу со мной не приключалось.

– Это... твой знакомый? – слегка запинаясь, выговорила

Олеська.

– Вот еще! – возмутилась я. – Да ладно, не обращай внимания. Тебе что, психи ни разу не попадались?

– Неа, пока бог миловал, – пробормотала подружка, все еще настороженно приглядываясь ко мне. – Думаешь, он – псих?

– А кто же? Ну всё, пошли быстрее. Меня эта холодрыга уже достала.

Через двадцать минут я притормозила у подземки, однако моя спутница не спешила покидать уютный салон машины. Включённая на максимум печка исправно делала свое дело, и мы только-только немного отогрелись. Я тоже не торопилась. Бездумно смотрела в окно и старалась справиться с тревогой, вызванной встречей со стариком. Тем временем впереди нас припарковалась крутая тачка. К ней быстро подбежала девушка в коротенькой шубке и юркнула внутрь. Внедорожник с ревом газанул и умчался. Олеся повернула голову, критически осмотрела салон моей машины и завела свою любимую "песню":

– Всё-таки не понимаю я тебя, Дашка. Будь у меня такой отец, я бы не на каком-то паршивом фольцвагене каталась, а на мерседесе. Да еще с откидным верхом.

– Чем тебе моя машинка не нравится? – устало поинтересовалась я. За пять лет нашего знакомства подобные разговоры уже порядком утомили.

– Да всем она нравится, и мне бы самой с лихвой подошла.

Но тебе... с таким папочкой...

– Ну и что там с моим папочкой? Он ведь не бизнесмен, а обычный чиновник.

– Ага, обычный! На таких высоких должностях, да еще в администрации обычных не держат. Да ладно, чего прикидываешься? Сама прекрасно знаешь, что наши чиновники с их связями покруче любых бизнесменов будут.

– Знаю. Только не считаю это правильным. И моя машина меня полностью устраивает.

– Вот я и говорю: странная! И фольцваген тебя устраивает, и живешь с родителями за городом. А могла бы, если бы захотела, уже давно квартиру в центре города иметь.

– Мне за городом нравится. А в центр я не хочу, здесь же дышать нечем.

– Дышать, может, и нечем, но я бы тут с удовольствием пожила. Впрочем, ваш-то коттедж всего в десяти минутах от кольцевой. Не то, что наша с матерью "фазенда" в ста километрах – замучаешься кататься. Вот мы туда почти и не ездим, – подружка тяжело вздохнула и мечтательно произнесла: – Ты не представляешь, как я хочу собственную квартиру! Где-нибудь в старом тихом переулке. Только никогда ее у меня не будет...

– Олеська, сколько раз говорила: прекрати рисовать мрачные картины своего будущего. Уж если не можешь удержаться, воображай хотя бы радостные.

– Ага, например, принца на белом коне? Нет, лучше на

белом мерседесе... с откидным верхом! Ну кого я обманываю? Какой еще принц? Да ко мне даже дедушки на улицах не пристают, в отличие от тебя. Как будто я – пустое место.

– И много в этом толку, по-твоему?

– В чём? В дедушках? Ну, не знаю... Может, и не много.

Но все равно, со мной ничего такого интересного не случается.

– Ты опять?

– Ладно-ладно, больше не буду. Моя жизнь потрясающе интересная! – она помолчала пару секунд и скептически скривилась. Я вздохнула и устало покачала головой.

1.2

Три месяца спустя...

– Мам, ну не могу я остаться дома. С Олеськой уже давно договорилась, – я достала из шкафа джинсы и футболку. Сидя в кресле, мама хмуро наблюдала за моими приготовлениями. Впрочем, так легко сдаваться она не собиралась, хотя и особого энтузиазма не испытывала. Просто потому, что практически никогда не выходила из наших батальи́й победительницей. Обычно я поступала так, как считала нужным.

– Ну как же так, Даша! Мы сегодня будем отмечать твоё окончание института, а ты уйдёшь? Папа гостей назвал...

– Разве я не говорила, что не хочу никаких отмечаний? Мы с однокурсниками уже неплохо всё отпраздновали. А папе только повод дай, опять притащит какого-нибудь жениха сватать! Нет, я не останусь. Сам пригласил, пусть сам с ним и общается.

– Ну солнышко, пожалуйста... – мама быстро сменила тон. – Я тебя очень прошу! Не понравится тебе этот жених, можешь с ним даже не разговаривать. Посидишь немного и уйдешь к себе. Или поедешь к своей Олесе.

– Значит, я права? Опять будут смотрины? – я грозно сдвинула брови, а мама вздохнула и повинулась:

– Приедет только папин давний знакомый – очень крупный бизнесмен... и его сын.

– Мама! – я даже не пыталась спрятать возмущение.

– Солнышко, что ты так переживаешь? Взрослая дочь для отца – очень тяжелое испытание. Просто пойми его. Он каждый вечер рассуждает, как лучше обеспечить твоё будущее.

– Замечательно! А меня он не хочет спросить, как я вижу это будущее? И нужен ли мне вообще выгодный жених?

– А почему нет, Дашенька? Что плохого в удачном замужестве?

– Да то, что оно не всегда так хорошо складывается, как у вас с папой. Вам повезло – у вас любовь случилась, папа до сих пор с тебя пылинки сдувает. И разница в возрасте совсем не ощущается. Но чаще всего бывает по-другому. Один голый расчёт, и никаких чувств. А потом каждый живёт своей жизнью. Я так не хочу. К тому же сейчас меня эта тема вообще не интересует.

– А что тебя интересует?

– Ты же знаешь, я собираюсь искать работу. Вот этим в ближайшее время и займусь.

– Папа тебе предлагал пойти к нему в администрацию.

– Мама, нет! Мы уже сто раз обсуждали. Я сама найду работу. И такую, какая мне понравится.

– До чего ж ты упрямая! Совсем на меня не похожа.

– Просто здесь я пошла в папу. Вот кого точно не сдвинешь с места, если он что-то решил, так это его.

Мама недовольно сжала губы и уже шагнула к двери, как вдруг зазвонил мой телефон. Разглядев на экране Олеськин

номер, я нахмурилась в нехорошем предчувствии. И не обманулась. Едва пробормотав приветствие, подружка извиняющим тоном выпалила:

– Дашка, прости! Сегодня никак не получится встретиться! Мать всё-таки тащит меня на эту чертову дачу. Там какую-то трубу прорвало, соседи позвонили. Надо срочно ехать.

– Какую еще трубу? Ты же говорила, у вас нет ни канализации, ни водопровода.

– Ну да, в доме нет. Это на участке, общее водоснабжение для полива. И представляешь, прорвало на нашей территории. Народ там рвет и мечет. Такая жара, а поливать нечем. В общем, сегодня никак, прости. Приедем мы, скорее всего, поздно. А может, вообще на даче ночевать останемся. Я тебе в понедельник позвоню. Ладно, пока. Мы на электричку опаздываем!

Я отключила телефон и обернулась. Мама все еще находилась в комнате и, судя по всему, прислушивалась к разговору. Во всяком случае выглядела она вполне довольной.

– Вот видишь, солнышко, это судьба! Теперь тебе не надо никуда ехать. Пожалуйста, порадуй папу. Посиди хотя бы полчаса за столом. Ну что тебе стоит?

Если бы у меня было время обдумать ситуацию, я бы наверняка сочинила себе другое срочное дело. Но мама застала меня врасплох – пришлось нехотя согласиться.

За последние двадцать минут не меньше десяти раз я тайком посмотрела на часы. До озвученного мамой времени оставалось совсем немного. Еще несколько минут мучений, и я со спокойной совестью сбегу отсюда. Небольшой компанией мы сидели в нашей огромной застекленной беседке, предназначенной для приемов гостей. Сейчас раздвижные двери были полностью распахнуты, пропуская внутрь теплый летний воздух и открывая отличный вид на искусственный пруд – детище приглашенных дизайнеров.

Вяло поковырявшись вилкой в тарелке, я проглотила кусок и уставилась в стол. Главное – не поворачивать голову вправо и не встречаться с наглым взглядом очередного протеже в мои женихи. Черт, я даже его имени не запомнила. А все потому, что едва взглянув на парня, поняла: этой первой встречей наше знакомство и ограничится. Даже несмотря на то, что внешне он мне вполне понравился. Вот только на загорелом лице с ленивой расслабленной улыбкой ясно читалось, что никакая жена сыну папиного друга и даром не нужна. А здесь он, скорее всего, находится по той же причине, что и я, то есть по просьбе или требованию своего отца.

Кстати, парень и не старался изображать заинтересованность. Сидел молча, в разговоры ни с кем не вступал. Только чему-то улыбался и иногда насмешливо поглядывал на меня. Похоже, вся эта история его забавляла, во всяком случае никакой неловкости он явно не испытывал. Несколько раз я попробовала ответить таким же наглым взглядом, но быст-

ро поняла, что в подобной игре у меня нет шансов. У парня точно по этой части было гораздо больше опыта. Так что я перестала смотреть в его сторону и считала минуты, выполняя данное маме обещание.

Разговаривали за столом в основном мой отец со своим другом. Странно, но имя старшего гостя я как раз запомнила, звали его Олег Геннадьевич. Мама попыталась втянуть в беседу и меня, но не встретила с моей стороны никакой поддержки и отступила. А я сидела, не поднимая глаз, и старательно придумывала подходящий повод улизнуть из-за стола. Кстати, из разговора выяснилась одна интересная подробность. Некоторое время мужчины посвятили обсуждению того, что со следующей недели сын Олега Геннадьевича будет работать помощником у моего отца. Вот и еще стимул для его присутствия сегодня нарисовался. Возможно, парня заботит исключительно карьера. А меня он рассматривает лишь как неизбежное дополнение к ней. Интересно, строя подобные планы, мужчины, и правда, считают, что я должна чувствовать себя польщенной?

– Что с тобой, Олег? – взволнованный голос отца заставил меня встрепенуться и взглянуть на его собеседника. С бледным, застывшим лицом тот привалился к спинке стула и тяжело дышал, держась за грудь. Через несколько секунд его черты смягчились, он заметно расслабился и покачал головой:

– Прости, Паш. Я в последнее время не очень себя чув-

ствую, но к тебе не мог не приехать. В понедельник, наверное, пойду сдаваться эскулапам. Пусть подлечат немного. А то дел полно, а я расклеился.

Парень тут же поднялся и подошел к отцу. Наклонился и что-то тихо сказал ему на ухо. Тот отрицательно качнул головой и похлопал сына по руке.

– Ничего-ничего, Егор. Мне уже лучше. Еще немного посидим и поедем домой.

Ну да, точно, Егор – так мне его и представили. По крайней мере, что-то хорошее в парне есть – об отце он, похоже, искренне переживает. Ладно, вот и пришло время покинуть эту теплую компанию. Сейчас, когда все взгляды направлены на Олега Геннадьевича, на моё исчезновение никто не обратит внимания.

– Ты не тяни с этим, Олег, – в голосе отца слышалось беспокойство. Пока он увещевал своего друга, я тихонько поднялась, аккуратно отодвинула стул и выскользнула из беседки. Но не пройдя и нескольких шагов, услышала звук падения и громкие возгласы. Пришлось быстро вернуться.

То, что я увидела, заставило меня застыть столбом в проеме раздвижной двери. Прямо на деревянном полу лежал Олег Геннадьевич с абсолютно белым лицом и синими губами. Рядом с ним на коленях стоял Егор и пытался засунуть в рот отцу какую-то таблетку. Испуганная мама замерла недалеко с широко открытыми от ужаса глазами. А папа вскочил со стула и быстро нажимал кнопки на телефоне.

Я совершенно растерялась. Не представляла, чем могу помочь, но и уйти просто так не могла. Оставалось надеяться, что скорая приедет быстро. Мой отец уже вызвал ее и наклонился над своим другом. Сжал его запястье и мрачно покачал головой:

– Черт, пульс почти не прощупывается! Может, переложить его в машину и ехать навстречу скорой?

– Нет, Паша! Нельзя его трогать, надо дождаться врачей, – пробормотала мама и стащила с ближайшего стула подушку. – Только голову нужно приподнять, чтобы кровь прилила к ногам. Вот, подложите ему...

Отец передал подушку Егору, а сам обнял маму. Она спрятала лицо у него на груди.

Прошло всего несколько минут, хотя мне показалось, что они растянулись в целую вечность. Я стояла у беседки и нервно озиралась по сторонам, напрягая слух и мечтая услышать спасительный вой сирены. И вдруг в противоположном проеме двери, прямо напротив себя, заметила незнакомую пожилую женщину. В иной ситуации я бы непременно удивилась, откуда она взялась. Ведь кроме нас с мамой здесь находилась только одна женщина – наша домработница, которая сейчас была в доме.

Но настораживало совсем другое. Незнакомка, не обращая внимания на разворачивающуюся рядом трагедию, внимательно смотрела на меня. Ее взгляд одновременно и беспокоил, и притягивал. Нахмурившись, я с недоумением изу-

чала странную гостью и неожиданно испытала ощущение дежавю. Словно я уже видела когда-то этот строгий и в то же время ласковый взгляд. А женщина, все также не сводя с меня глаз, медленно кивнула. Как будто подбадривала или призывала к чему-то. Только к чему?

Я снова взглянула на Олега Геннадьевича. В это время мужчина дернулся и захрипел, а меня вдруг неудержимо потянуло к нему. Не оставляя себе времени на раздумья, я поддалась порыву, сделала несколько шагов вперед и опустилась на корточки рядом с Егором. Протянула руку и положила ладонь на грудь его отца. А потом практически беззвучно зашептала легко приходящие на ум слова.

Мои губы произносили их без запинок и сомнений, словно это было для меня давно привычным делом. Странные фразы сами собой выстраивались в причудливый ритм, а я вслушивалась в них и удивлялась. Я точно встречала что-то похожее в книгах, когда несколько лет назад, неожиданно для себя, заинтересовалась магией и заговорами. Тогда я скачала из интернета пару изданий и подробно все изучила. Однако критический ум не позволил всерьез воспринять подобную информацию. Я быстро охладела к новому увлечению, так и не попробовав ничего из прочитанного на практике. Похоже, сейчас мое подсознание вспомнило забытую информацию.

Олег Геннадьевич все еще лежал с закрытыми глазами, но больше не хрипел, а мертвенная бледность постепенно схо-

дила с его лица. И вдруг мужчина шевельнул головой. Егор сразу же схватил отца за руку и наклонился ближе к нему. А ко мне вернулась неуверенность. Ощущая полную растерянность, я попыталась подняться. Однако парень придержал меня за локоть:

– Нет, не уходи! Рядом с тобой ему лучше...

Я пожалала плечами и снова опустилась на пол. Переживая, что подумают родители, невольно взглянула на них. Мама стояла в нескольких шагах от отца и испуганно смотрела на меня. Ее лицо было почти таким же белым, как у нашего гостя. А папа переводил напряженный взгляд с нее на меня и обратно.

Наконец раздался приближающийся вой сирены, и через несколько минут в беседку прибежали люди в белых халатах. Олега Геннадьевича быстро переложили на каталку и увезли. Егор отправился с ним, а мои родители пошли провожать всю кавалькаду к воротам.

Оставшись в одиночестве, я устало опустилась на стул. Посидела какое-то время и вспомнила про незнакомку. Оглянулась по сторонам, однако никого из чужих людей поблизости не обнаружила. Только домработница спешила к беседке, собираясь убирать со стола. Когда она подошла ближе, я расспросила ее. Хотела узнать, не приглашали ли сегодня кого-нибудь к ней на помощь. Получила отрицательный ответ и пошла в свою комнату приходить в себя после этого сумасшедшего дня.

1.3

За ужином мы с родителями практически не разговаривали. Папа лишь сообщил, что созвонился с Егором и узнал, что Олег Геннадьевич находится в реанимации. Ни мама, ни отец не задали мне ни одного вопроса о моем странном поведении в беседке. Впрочем, скорее всего они не слышали моих бормотаний и решили, что я просто пытаюсь поддержать Егора.

Поздно вечером ко мне в комнату заглянула мама. Села на диванчик и не спешила начинать разговор, молча глядя в пол. Потом подняла глаза и с заминкой спросила:

– Тебе понравился Егор?

Подобного вопроса я почему-то не ожидала и растерялась. Сначала хотела ответить правду, но в последний момент передумала и выдавила что-то неопределенное:

– Ну, так... Я не успела понять. Вроде, нормальный парень.

– По-моему, тоже. Присмотрись к нему получше, пожалуйста.

– Хорошо, – кивнула я, уверенная, что второй возможности присмотреться к неудачливому жениху мне не представится. Тем более после сегодняшнего.

– Кстати, жена Олега умерла несколько лет назад. Так что злая свекровь тебе не грозит.

В ответ я лишь неопределенно пожалала плечами, даже не зная, как на это реагировать. А когда мама поднялась, вспомнила кое-что и позвала:

– Подожди, пожалуйста, хочу у тебя спросить. Сегодня у беседки я заметила незнакомую женщину. Не знаешь, кто это может быть?

– Наверное, кто-то из врачей.

– Нет, это было еще до их приезда.

– Ну тогда тебе просто показалось. И немудрено, после всего, что мы сегодня пережили.

– Не думаю, – я с досадой мотнула головой. – Она выглядела очень странно, и я хорошо ее рассмотрела.

– Что же в ней было странного?

– Одежда, да и вообще...

– Опиши ее.

– Пожилая женщина, длинные черные волосы с проседью повязаны платком. Смуглая, будто обветренная кожа. Все лицо изрезано морщинами. Одета во что-то длинное и темное.

Несколько секунд мама изумленно смотрела на меня, качая головой. Потом выдавила:

– Ты ошиблась. Никого похожего у нас не было... Ложись спать, – и быстро вышла из комнаты. Я озадаченно смотрела ей вслед. Не могла же мама не заметить женщину, ведь она стояла недалеко. Или могла? Действительно, в такой суматохе это вполне реально. Но в одно я точно отказывалась ве-

ритель: что гостья мне почудилась. До сих пор у меня не случилось никаких видений, с чего бы им теперь начаться?

Изумрудно-зеленая поляна, яркий свет, пробивающийся сквозь резную листву. Вокруг все такое живое, наполненное любовью и манящими тайнами. Каждая травинка, листок, каждый камешек на берегу ручья для незамутненного детского ума – целая вселенная. И вдруг темнота, словно выброшенное покрывало, отрезает от моего взгляда искрящийся солнечный свет. Дальше провал, наполненный страхом и ожиданием... Но вот завеса отброшена, и ко мне медленно приближается чье-то лицо. Изо всех сил я стараюсь его рассмотреть, но черты расплываются. И в который раз перед глазами лишь темный смазанный силуэт...

Я проснулась, как от толчка, и резко села в кровати. Это всего лишь сон. Мой старый, привычный кошмарный сон, преследующий меня с самого детства. Давно прошли те времена, когда я в слезах бежала к родителям, и они брали меня к себе в кровать, обнимая и убаюкивая. Теперь я лишь переворачиваюсь на другой бок и снова засыпаю. Что же сейчас меня испугало?

И тут я поняла. Ни разу за все эти годы мне не удалось рассмотреть человека из сна. А сегодня я наконец его увидела... и узнала. Это была та самая странная незнакомка у беседки. Поразмыслив несколько минут, я успокоилась и снова забралась под одеяло. Наверняка изменения в моем сне – все-

го лишь последствия перенесенного стресса. Всё это вполне объяснимо, а значит, можно не беспокоиться.

Через несколько дней мне пришлось заехать в институт уладить кое-какие формальности. Быстро справившись с делами, я вышла на улицу и уже собиралась повернуть в сторону стоянки, как меня окликнули. С лавочки у крыльца поднялся Егор и направился прямо ко мне. Пока он приближался, я прикидывала, как ему удалось так удачно меня застать. Похоже, здесь не обошлось без родителей. Не зря мама так подробно выспрашивала меня о планах на сегодняшний день. Испытывая досаду, я уже приготовилась вместо приветствия сказать что-нибудь резкое. Но в последний момент вспомнила об Олеге Геннадьевиче и удержалась.

– Здравствуй, я тебя жду, – спокойно произнес неожиданный гость.

– Я вижу. Как твой отец? – из-за скрытого раздражения мой ответ прозвучал достаточно сухо.

– Все еще в реанимации, но ему гораздо лучше. Скоро обещают перевести в палату.

– Хорошо, – проявив вежливость, я замолчала, давая собеседнику объяснить цель визита. Однако он не торопился, стоял напротив и задумчиво меня рассматривал. То ли собирался с мыслями, то ли просто не знал, с чего начать. Используя паузу с пользой, я внимательней пригляделась к парню. И сразу же поняла, что ошиблась с его возрастом. Почему-то в прошлую нашу встречу решила, что мы почти одногодки.

Но сейчас, вблизи, разглядела – ему точно больше двадцати пяти. А может, и все тридцать. Впрочем, на мое отношение это никак не повлияло. Я все еще помнила насмешливую улыбку и наглый взгляд и общаться с ним дольше, чем это необходимо, не собиралась.

– Так что тебе нужно? Извини, у меня мало времени.

– Вообще-то я хотел поговорить.

– О чем?

– Может, заглянем в кафе? – с заминкой предложил

Егор. – Здесь недалеко есть приличное заведение?

– Здесь много чего есть, но я уже сказала, что тороплюсь.

Если хочешь, давай присядем на лавочку, – я немного смягчила свой отказ, заметив, что собеседник нахмурился. Но лавочка его явно не устраивала.

– Могу подвезти тебя домой, – он кивнул на джип, припаркованный у обочины прямо под знаком "Стоянка запрещена".

– Спасибо, я сама за рулем. Так что давай все же ближе к делу.

– Ладно, но мы можем хотя бы сесть в мою машину? Здесь неудобно разговаривать.

И действительно, как раз в это время нас слегка потеснила на тротуаре шумная стайка студентов. Освобождая им дорогу, я недовольно скривилась и согласно кивнула.

Устроившись на переднем пассажирском сиденье, я развернулась к Егору и подняла брови в молчаливом вопросе.

Он прищурился, потер подбородок и вдруг выдал:

– Ты что, практикуешь магию?

– Что?! – опешила я.

– Ну... тогда, рядом с отцом, я слышал, как ты кое-что бормотала. Запомнил несколько фраз и потом нашел их в интернете. Это был заговор от болезней сердца.

Ничего объяснять я не собиралась, тем более, что сама не знала ответов. Проще всего все отрицать.

– Что за ерунда? Тебе просто показалось! Вспомни, в каком мы все были состоянии. Если честно, я сейчас и не вспомню, что конкретно шептала. Скорее всего, обычную молитву.

– На молитву эти слова были похожи меньше всего, – упрямылся собеседник. Я никак не могла понять, чего он добивается.

– А ты меньше всего похож на человека, который верит в заговоры и прочую чушь.

– Я в них действительно никогда не верил!

– Ну так и дальше не верь. Кстати, я тоже не верю.

– Но отцу стало лучше. Я вообще уже решил, что это конец... А когда ты присела рядом, все изменилось. Он почти пришел в себя.

– Послушай, вот уж это точно совпадение. Ты же не хочешь сказать, что мое бормотание так на него повлияло?

Егор поджал губы и задумчиво покачал головой.

– Не знаю... Наверное, ты права – это просто совпадение.

Но все равно, как-то странно. И в больнице говорят, что у отца на сердце уже затянувшийся рубец. Как будто приступ был несколько недель назад. Они и в реанимации его держат больше на всякий случай, чем по необходимости.

– Ну всё, хватит! Поверь, я рада, что твоему отцу лучше, но это точно не из-за меня, – я уже начала злиться. Еще какое то время Егор недоверчиво хмурился, потом пожал плечами и отступил.

– Ладно, оставим это. Но я все равно хочу угостить тебя ужином. Или хотя бы обедом. Назови любое удобное время.

– Спасибо за предложение, но это плохая идея, – отрезала я и потянулась к ручке двери. – Всего хорошего! – быстро выбралась из машины и решительно направилась к стоянке.

Дома я первым делом нашла маму в гостиной. Она сидела в кресле и задумчиво смотрела в пространство, на ее коленях лежал небольшой блокнот. Я не стала церемониться и сразу попросила не устраивать мне больше неожиданных встреч с Егором.

– Почему? Он тебе всё-таки не понравился? – явно различимое огорчение в ее голосе меня удивило.

– Ну да, не понравился. А ты что, тоже мечтаешь сплавить меня замуж?

– Мне было бы гораздо спокойней, если бы ты была пристроена, – ответила мама, глядя в сторону.

– Мама, что за лексикон?! – возмутилась я. – Прямо домострой какой-то! И с чего тебе за меня переживать? У меня

все хорошо.

– Конечно, солнышко, ты права. Обещаю, больше не буду действовать за твоей спиной, – не стала спорить она.

– Спасибо! – я решила поменять тему. Через две недели родители собирались в отпуск на Сардинию. – Как идут сборы? Купальник новый купила?

Перебравшись на кухню, мы заварили себе кофе и подробно обсудили гардероб, который может понадобится в поездке. А потом я поднялась наверх и в своей комнате столкнулась с папой. Я даже не знала, что он уже вернулся с работы. Заметив его озабоченное лицо, подумала, что мне опять предстоит разговор о замужестве. Но отец лишь расспросил меня о планах на лето. Причем, он явно больше находился в своих мыслях, чем вслушивался в мои ответы. Ничего нового – папа и дома никогда не забывал о работе. Действительно, через несколько минут он сообщил, что ему нужно отправить пару писем, пожелал мне спокойной ночи и ушел.

1.4

В субботу, прямо во время завтрака, отец предупредил нас, что сегодня к нему заедет Егор. Только я собиралась выразить неудовольствие, как папа заявил, что это будет не визит гостя, а обычная рабочая встреча.

– И вообще, привыкайте. На меня сейчас навалилось много дел, и Егор, как мой помощник, будет тут часто бывать. Я обещал Олегу загрузить его сына по полной и выполню обещание. Пусть лучше парень будет у меня на глазах, пока отец в больнице.

Согласно кивнув, я, тем не менее, подумала, что все это звучит достаточно странно. Ведь речь идет не о ребенке, а о взрослом мужчине. Зачем надо держать его на глазах? Или папа лукавит, и на самом деле так и не оставил планы свести нас с Егором. Или существуют какие-то другие причины присматривать за ним, о которых мне, как потенциальной невесте, почему-то забыли сообщить. И то и другое мне не нравилось.

Впрочем, я напрасно подозревала папу в скрытых мотивах. Как только Егор приехал, мужчины сразу же уединились в кабинете и провели там почти весь день. Еду им домработница подала туда же, так что обедали мы с мамой в одиночестве. Лишь ближе к вечеру, сидя в шезлонге в саду, я увидела, как гость покидает наш дом. Он тоже меня заметил, но не

стал подходить. Просто кивнул вежливо и свернул к стоянке.

Наше дальнейшее общение проходило в подобном духе. Егор бывал у нас дома не меньше трех раз в неделю, но все это время проводил в кабинете отца. Похоже, насчет большой загрузки папа не обманул. Он действительно теперь задерживался на работе чаще обычного и даже в выходные куда-то уезжал. И совсем перестал заходить ко мне в комнату по вечерам. Так что я уже стала скучать по нашим привычным беседам обо всем подряд.

Конечно, совсем избежать случайных столкновений с Егором мне не удавалось. Но и тогда парень держался отстраненно и больше не пытался пригласить меня в кафе или на свидание. Что вполне устраивало. Так что я перестала ждать подвоха и во время наших редких встреч могла вести себя естественно и не держать намеренную дистанцию.

Однажды я спустилась на кухню заварить себе кофе. Зашла в комнату и увидела за столом Егора. Его пиджак висел на стуле, а рукава сорочки были коротко закатаны. Парень пил чай с бутербродами, которые, похоже, сам и приготовил. Рядом лежали деревянная доска, нож и хлеб с сырной нарезкой.

– Черт, – с досадой произнесла я. – У домработницы же сегодня выходной. Надо было мне вспомнить и самой вас накормить. Прости...

– Да ладно, – усмехнулся Егор. – Думаешь, я не способен сделать себе бутерброд? Вообще-то, я уже давно живу

отдельно от отца и без всяких домработниц. И вполне себе справляюсь, – интересно, мне показалось или в его тоне прозвучала скрытая издевка? Наверняка, считает меня избалованной белоручкой. Конечно, откуда ему знать, что помощница по дому – полностью папина идея. Как и няни, которые окружали меня с детства. Просто отец очень заботился о своей жене и всегда старался создать ей максимальный комфорт. А меня любил и всячески баловал.

Несмотря на это, выросшая в бедной деревенской семье мама давно научила меня готовить и следить за домом. И сейчас мы вдвоем вполне управлялись с каждодневными домашними обязанностями. Но папа по прежнему настаивал на домработнице, уже больше по привычке, чем по необходимости. Устав с ним спорить, мы согласились, чтобы домработница приходила к нам пару раз в неделю. Так что кем-кем, а белоручкой я точно не была. И совершенно не важно, что думают обо мне другие!

Несмотря на эти мысли, я ощутила явное раздражение. Схватила со стола доску и нож, повернулась к раковине и неожиданно зацепилась локтем за спинку стула. Пытаясь удержать кухонную утварь, я сделала только хуже. Мой резкий рывок лишь придал ножу ускорение, и тот упал, прорезав Егору руку чуть ниже локтя. Из глубокого пореза сразу выступила кровь. Схватив полотенце, я быстро прижала рану и бросилась за аптечкой. Глядя на мои нервные движения, Егор произнес:

– Успокойся. Это всего лишь порез. Мне даже почти не больно. Не переживай так.

Его слова помогли немного отпустить напряжение. Я благодарно кивнула:

– Спасибо! Убирай полотенце, перевяжу.

Кровь все еще сочилась. Я приготовила бинт, а парень вдруг придержал меня за запястье:

– Может, попробуешь сама остановить кровь? Вдруг у тебя получится.

Я растерянно взглянула на него и внезапно поняла, что знаю, как это сделать. Ощущение было достаточно сильным, шло откуда-то из глубины и не оставляло сомнений. Тем не менее, я не хотела ему поддаваться и не спешила выполнять просьбу. Заметив мои колебания, Егор произнес:

– Ты что, боишься? Разве тебе не интересно узнать границы своих возможностей? Я бы точно не удержался.

Нахмурившись, несколько секунд я смотрела на него, а потом вдруг решила. Наклонилась, крепко сжала его руку с двух сторон от раны и зашептала очередной заговор.

Не прошло и минуты, как струйка крови, становясь на глазах все тоньше и тоньше, замерла совсем. Аккуратно промокнув порез, я замерла в недоумении – на месте глубокой раны осталась лишь розовая полоска заживающей кожи. Я снова почувствовала холодок в груди. Стараясь не встречаться взглядом с Егором, быстро перебинтовала руку, хотя теперь вполне могла обойтись одним пластырем. А потом

достала тряпку и стала наводить порядок на кухне. Через несколько минут закончила и хотела вернуться к себе.

– Подожди! – позвал Егор. – Посиди со мной немного. Хочешь чай?

Я неопределенно пожала плечами, но за стол все же присела. Парень включил чайник, достал посуду и через пару минут поставил передо мной чашку. Сделав несколько глотков, я вздохнула и подняла на него глаза.

– Прости за нож. Впредь буду осторожнее... – пробормотала виновато.

– Забудь! – отмахнулся он. – Это ерунда. У меня полно разных шрамов. В детстве я был сорви голова, да и подраться очень любил. Вот только рядом не было никого, кто мог бы так быстро убрать все последствия.

– Пожалуйста, не надо об этом, – быстро перебила я его.

– Почему? – удивился Егор. – Ты же мне помогла. И моему отцу тоже. По-моему, таким даром стоит гордиться.

– Нет у меня никакого дара, – упрямо произнесла я. – Это все баловство, подростковые увлечения. Почитала когда-то в интернете, вот и пригодилось.

– Ну да, конечно! Очень похоже на правду, – усмехнулся он и добавил: – Ладно, если хочешь, оставим эту тему, – помолчал немного и вдруг предложил: – Может, немного погуляем по саду? Павел Степанович дал мне полчаса на отдых. Минут десять еще осталось.

Я не испытывала ни малейшего желания гулять с ним, но

почему-то согласилась. Должно быть, из-за чувства вины.

Некоторое время мы в молчании шагали по дорожке. Я все еще ощущала неловкость и не знала, о чем говорить. Видимо догадываясь о моем состоянии, мой спутник сам начал беседу. Не затрагивая больше того, что произошло, стал вспоминать забавные моменты из своего детства. На удивление, рассказчиком Егор оказался неплохим. Через несколько минут я уже улыбалась, слушая весьма выразительное описание его разнообразных проделок.

В результате мы не следили за временем и потратили на прогулку гораздо больше, чем предполагали. А когда вернулись в дом, первым делом наткнулись на моего отца. Но папа не стал ругать своего помощника. Лишь удивленно взглянул на забинтованную руку и поинтересовался, что случилось. Только я открыла рот, чтобы повиниться, как Егор придержал меня за локоть и сам ответил:

– Ничего страшного, не беспокойтесь. Просто я не очень ловко с ножом управился. Так что Даше пришлось побыть сестрой милосердия.

Я не стала опровергать его слова, но невольно поморщилась. Чего-чего, а врать я никогда не любила. Может потому, что за мои ошибки меня никто особо не наказывал.

Мужчины поднялись в кабинет, а я, немного поразмыслив, отправилась искать маму. Она была в своей спальне, сидела за столом и что-то писала. Увидела меня, отложила руч-

ку и улыбнулась. Я опустила в кресло и поджала губы, пытаясь сообразить, как лучше задать свой вопрос. Ничего не надумала, вздохнула и выпалила:

– Мам, мне нужно кое-что узнать. У нас в роду встречались необычные способности?

– Что ты имеешь в виду? – мама нахмурилась и настороженно меня разглядывала.

– Ну... например, из области нетрадиционной медицины. Знахари, там, народные целители?

Мама встала, подошла ко входу и плотно прикрыла дверь. Потом придвинула к креслу стул, опустилась на него и наклонилась ко мне.

– В чем дело, солнышко? Что тебя беспокоит?

– Понимаешь, кажется, у меня есть что-то похожее. А обычно такие вещи передаются по наследству.

– Ты... уверена? Может, тебе просто показалось?

– Не уверена, но... – пожала я плечами. – Это повторилось уже дважды. И меня, честно говоря, немного пугает.

Мама отвела взгляд и задумалась. Потом решительно потрянула головой.

– Ладно, раз так, тебе стоит знать. Действительно, моя прабабка была знахаркой. Я ее в живых, конечно, не застала, но в семье несколько раз об этом упоминали. Только особо не распространялись, потому что в деревнях к таким людям относились настороженно и боялись их.

– А папа слышал про твою прабабушку?

– Нет. Зачем? У него вообще очень рациональный подход к жизни, ты же знаешь. Так что давай не будем его лишней раз напрягать. Мне кажется, тебе не стоит уделять этому большого внимания. Вряд ли кто-нибудь из твоих знакомых всерьез воспринимает колдуний и знахарей. Не хочу, чтобы над тобой смеялись.

– Я и не собиралась никому говорить. Мне самой надо понять, что происходит. Спасибо, что рассказала. А ты знаешь, как выглядела твоя прабабка?

– Только в общих чертах, тоже по рассказам. Она была высокой и статной, с длинными светло-русыми волосами.

– Ясно. Большого мне и не надо, – я обняла маму, чмокнула ее в щеку и отправилась в свою комнату.

Прошла еще одна неделя. За это время я несколько раз видела Егора, но пообщаться нам больше не удалось. Отец полностью загружал его делами. А я, в свою очередь, помогала маме готовиться к отпуску. Однако буквально за пару дней до назначенного времени планы родителей резко поменялись. Папе пришлось уехать в срочную командировку, и Сардинию перенесли на две недели. Мама решила потратить неожиданно освободившееся время на поездку на родину. Она уже давно собиралась там побывать, но никак не могла выбраться.

Родина мамы – деревенька Сосновка – располагалась в 100 километрах от нашего города. К сожалению, никого из

родных там уже не осталось. Дедушка умер восемь лет назад, а бабушка – шесть. Поэтому мама бывала в деревне от силы раз в год. Ходила на кладбище и немного прибиралась в медленно разваливающемся старом доме, который они с братом решили не продавать. Мой дядя, мамин старший брат, много лет назад отслужил на севере. А после службы осел там и обзавелся семьей.

Через несколько дней родители разъехались по своим делам, и я осталась одна. Если, конечно, не считать дежурящего в будке у ворот охранника и приходящей домработницы. Узнав, что дом пустует, Олеська сразу же напросилась в гости. Я не возражала, хотя обычно спокойно переносила одиночество и даже предпочитала его шумным компаниям, чем вызывала недовольное ворчание подружки. Прожив у меня неделю, Олеська вернулась к себе. Проводив её, я решила весь следующий день побыть дома – после нашего бурного общения мне требовался небольшой отдых для восстановления спокойствия и равновесия.

После легкого завтрака, надев короткие шорты и майку, я выбралась в сад, устроилась в шезлонге, установив его в тени старой яблони, и загрузила на экран планшета любимую книгу. Но мне не удалось долго наслаждаться тишиной. Уже через полчаса позвонил охранник и сообщил, что к нам приехал гость. Я уточнила имя и, узнав, что это Егор, попросила пропустить его на территорию. Вздохнула и пошла встречать посетителя.

Мы столкнулись на дорожке недалеко от беседки. На этот раз парень был не в деловом костюме, а в джинсах и футболе. А в руках держал объемную пластиковую папку. Быстро окинул меня взглядом, поздоровался и протянул её.

– Привет. Вот, возьми, Павел Степанович просил завезти документы. Отнеси, пожалуйста, в кабинет. Только не потеряй, это очень важно.

– Можешь сам положить на стол, раз так беспокоишься, – ответила я, стараясь не поддаваться раздражению.

– Вряд ли это удобно. Не думаю, что мне стоит заходить в кабинет в отсутствие хозяина.

– Ты всегда так четко придерживаешься правил? – я все же не удержалась и подковырнула Егора.

– Стараюсь, – улыбка сошла с его лица. Похоже, он тоже разозлился.

– Странно, после красочных рассказов о боевом детстве у меня сложилось о тебе совсем другое впечатление.

– Ну, когда это было! Я уже давно переболел всеми этими подростковыми комплексами бунтарства и отстаивания прав. Теперь я четко знаю свои цели и делаю все, чтобы их достичь, – Егор помолчал немного и добавил с усмешкой: – А вот ты, похоже, еще не рассталась с иллюзиями.

– Это с какими иллюзиями? – немедленно возмутилась я.

– С такими, что мир крутится вокруг тебя одной и будет приносить на блюдечке все, что пожелаешь.

Я просто задохнулась от возмущения. Да что он вообще

обо мне знает, чтобы делать такие выводы?!

– Прекрасно! У тебя, похоже, тоже есть дар. Читаешь чужие мысли, как открытую книгу. И так точно угадал, что у меня в голове! – открытая издевка в моем тоне ему явно не понравилась. Мы стояли друг напротив друга и обменивались напряженными взглядами. А я вдруг представила эту сцену со стороны, и мне тут же стало стыдно. Не очень-то удачно я справилась с ролью хозяйки дома. Злость мгновенно прошла, я тряхнула головой и протянула руку.

– Ладно, давай папку. Отнесу ее в кабинет.

Мой собеседник тоже успокоился и даже извинился:

– Прости, кажется, я перешел границы...

– Ну... есть немного, – улыбнулась я. – Ничего, проехали.

Может, выпьешь чаю перед дорогой?

Ну вот, так гораздо лучше. Вполне себе вежливое и радужное предложение. Егор сразу же согласно кивнул в ответ.

Через десять минут мы с моим гостем устроились за столом в беседке. Отнеся документы в кабинет, я сходила на кухню, вскипятила чайник и приготовила бутерброды. Егор помог мне перетащить все необходимое на улицу. Сидя напротив, я невольно вспомнила наши прошлые приключения и осторожно взглянула на его правую руку. Ни бинтов, ни пластырей там уже не было. А на месте пореза виднелся едва заметный тонкий бледно-розовый шрам.

Чаепитие проходило почти в полном молчании. Видимо, недавняя бурная сцена все еще стояла между нами. Я поин-

тересовалась состоянием Олега Геннадьевича и узнала, что его уже выписали из больницы.

– Мы наняли сиделку на первое время, – рассказал Егор. – Да и я заезжаю каждый день. Только отец никого не слушает и всю порушает постельный режим. Ну это в его репертуаре, – он допил чай и отодвинул чашку. – Ну всё, мне пора. Спасибо за угощение.

Я кивнула и только хотела ответить, как зазвонил мой мобильный. Взглянув на дисплей, я подняла голову.

– Это отец. Подожди, я быстро поговорю и провожу тебя.

– Не стоит. Я сам способен дойти до стоянки. Передавай Павлу Степановичу привет, – Егор встал и шагнул к выходу, а я нажала кнопку.

– Пап, привет! Как дела?

Несколько секунд в трубке стояла тишина, а потом я услышала тихий, сдавленный голос. И даже не сразу его узнала.

– Даша... мама... мама утонула... в озере в Сосновке... Слышишь, Даша... мамы больше нет...

Телефон выпал из моих рук. Я схватилась за стол, до боли сжав пальцами его край. Сквозь противный звон в ушах я различала свое прерывистое дыхание.

– Даша, что случилось? Тебе плохо? – беспокойный голос Егора пробился в мои застывшие мысли. А я смотрела на него и молчала. Произнести вслух то, что только что услышала, я просто не могла.

Прямо из командировки отец уехал в Сосновку и вернулся оттуда через два дня, привезя с собой гроб. За это время его помощники сделали всё необходимое, и на третий день, как и положено, прошли похороны. От того, что им предшествовало, у меня остались лишь смутные воспоминания. Вся подготовка проходила без моего участия, и это оказалось еще хуже. Потому что так я могла хотя бы отвлекаться, а не сидеть целыми днями, тупо глядя в стену и пытаюсь осознать то, что произошло.

Мой мозг отказывался принять случившееся. Я не могла поверить, что больше никогда не услышу мамин смех, не почувствую её ласковых прикосновений. Нет! Это просто невозможно! Сейчас откроется дверь, и она зайдет в комнату, поправит сползшее на пол одеяло, пожелает мне спокойной ночи. И все будет как раньше!

И только стоя на кладбище перед разрытой могилой, и глядя, как рабочие опускают в нее гроб, я наконец четко осознала, что как раньше уже никогда не будет. В этот день я впервые в жизни видела, как плачет мой отец. А потом пришлось пережить еще и поминки, слушая нескончаемые речи и уставившись застывшим взглядом в тарелку с нетронутой едой.

В ресторане я сидела во главе стола между отцом и Егором. С самого первого дня парень почти все время проводил у нас дома. Он координировал подготовку к похоронам, беседовал с агентами и решал бесчисленные мелочи, не отвле-

кая ни меня, ни моего отца. А еще находил время принести мне чай и просто молча побыть рядом.

Оказалось, Егор способен отлично чувствовать мое внутреннее состояние. Во всяком случае он быстро понял, что Олеськины причитания и многословное сочувствие действуют на меня угнетающе. И тактично решил эту проблему, загрузив подругу делами, требующими длительных разъездов. Он же встретил на вокзале маминого брата с женой и сам ввел их в курс дела, избавив меня от мучительных объяснений с родственниками.

Мои надежды, что после похорон станет хоть немного легче, не сбылись. Дядя с женой уехали, дом снова опустел, и мы с папой остались вдвоем. Я уже отошла от шока, время молчания прошло, и мне захотелось поговорить. Но это желание наталкивалось на глухую стену, которую я никак не могла пробить. Отец отгородился ею от меня и окружающих, пресекая любые попытки хоть что-нибудь обсудить.

А мне просто необходимо было узнать подробности и понять, как могла произойти трагедия. Ведь я точно знала, что мама, во-первых, с детства отлично плавала. И немудрено – живописное озеро располагалось совсем недалеко от Сосновки, и вся окрестная ребятня с малых лет проводила на его берегах кучу времени. А во-вторых, никогда не заплывала глубоко, потому что друг ее юности много лет назад утонул в этом озере. Как раз поэтому, когда я приезжала на каникулы к дедушке с бабушкой, меня никогда не отпускали

купаться одну. Конечно, будучи подростком, я не раз нарушала запрет. Но, помня о печальной истории, старалась быть осторожной.

Чтобы начать разговор, пришлось собираться с силами и ловить подходящий момент. В последнее время отец загружал себя работой по максимуму, возвращался поздно и, едва кивнув мне, сразу же поднимался в кабинет. Я догадывалась – ему нужно время, чтобы свыкнуться с потерей. Но и ждать больше не могла.

В один из вечеров, застав отца в столовой, сидящим за остывшей чашкой кофе и погруженным в мрачные раздумья, я опустилась на стул и позвала:

– Пап, пожалуйста, давай поговорим.

Отец хмуро взглянул на меня, потом отвел глаза и сухо спросил:

– О чем?

– О том, что случилось в деревне.

Пару минут стояла тишина, потом он тихо уточнил:

– Что конкретно ты хочешь узнать?

– Хоть что-то кроме общих слов.

– Зачем? – он недовольно мотнул головой. – Все эти разговоры... Какой в них толк? Маму уже не вернешь.

– Понимаю, – вздохнула я. – Но и ты пойми – неизвестность хуже всего.

– Как хочешь, – он раздраженно пожал плечами. – Спрашивай.

– Ты наверняка беседовал со следователями. Они смогли восстановить всю картину?

– Конечно, беседовал. И не только со следователями. Да я там всю их администрацию на уши поставил. А что толку?

– Скажи, они действительно уверены в несчастном случае?

Папа помолчал, глядя в сторону, вздохнул и кивнул:

– Они-то уверены...

– А ты? – продолжила я его мысль.

– Ну ты же знаешь, я на слово никому не верю. Так что нанял там кое-кого, – он снова замолчал.

– И что?

– Да ничего! Получил вчера отчет. Никакого криминала.

– А разве можно точно это утверждать?

– Там свидетели были, Даш. Все это днем случилось.

– Почему же тогда никто не смог помочь?

– Она слишком далеко заплыла.

– Мама далеко заплыла? А вот это уже странно...

– Да, странно. И это не единственная странность. Непонятно, зачем она вообще пошла купаться в такую погоду. Шел дождь, на пляже никого не было. А та парочка, свидетели – парень и девушка, искали уединения и спрятались в зарослях. Оттуда увидели, как мама пришла на пляж, разделась и пошла к воде. Сама, без посторонней помощи. Потом они отвлеклись на свои дела. А когда после всего вышли на берег, увидели только мамину одежду. Позвали на помощь,

ну и... Потом ее вытащили, но было уже поздно...

– И никаких следов на ее теле не было? – тихо спросила я, справившись с эмоциями.

– Никаких, – зло произнес отец и вдруг стукнул кулаком по столу. – Говорю же, я все проверил! Это просто чертова случайность! Понимаешь? А все потому, что меня не было рядом! Все, хватит об этом, – он вскочил и ушел к себе.

А до меня наконец дошло, что к папиному горю примешивается огромное чувство вины. Вот почему ему еще тяжелее, чем мне.

2.1

Неделя проходила за неделей, но лучше не становилось, атмосфера в доме оставалась такой же гнетущей. Мы с отцом почти не разговаривали, да и виделись не так уж часто. Он все также пропадал на работе или у себя в кабинете, а я бесцельно слонялась по осиротевшему коттеджу и предавалась воспоминаниям. На самом деле я понимала, что должна отвлечься. Например, давно пора было заняться поисками работы. Но не могла пересилить себя и вырваться из добровольного заточения. Олеська уехала на месяц к родственникам в другой город, и хоть какое-то разнообразие в мою жизнь вносил один только Егор. Каждый вечер, закончив работать с отцом, он приходил ко мне, и мы или гуляли по саду, или просто беседовали, сидя у меня в комнате.

Теперь мне уже нравилось его общество, хотя иногда казалось, что это всего лишь результат признательности за его поддержку. Но чаще я искренне радовалась его приходу и даже ждала нашей встречи. Однажды во время прогулки Егор обнял меня, притянул к себе и осторожно поцеловал. А потом немного отстранился и нерешительно заглянул в глаза, словно давая самой выбрать, что будет дальше. И я его не оттолкнула – потянулась и ответила на поцелуй.

Вот так и начался наш роман. Вернее, пока еще только прелюдия, потому что дальше поцелуев дело не заходило.

Егор не спешил, давая мне время прийти в себя, и я была ему благодарна за это. Зато наши поцелуи становились все горячее, рождая что-то тягучее, томное в самой глубине. Но пока это были только намеки на пробуждающиеся чувства. Больше всего мне нравилось, как Егор обнимает меня, словно отгораживая от всего мира. Спокойствие и защищенность – вот что я ощущала в его объятиях. И убеждала себя, что вполне готова к дальнейшему развитию наших отношений.

С работой мне также помог Егор. Он знал, что я ее ищу, пусть и не очень активно. И считал, что это поможет мне отвлечься. Однажды он вспомнил о своей знакомой. Она была главным редактором популярного интернет-издания для женщин и собиралась сделать отдельную рубрику по зарубежным публикациям. Нужен был человек, который будет находить в интернете оригинальные статьи и переводить их с английского. Ну а главное: для подобной работы не придется уезжать из дома. Общаться с большим количеством незнакомых людей мне еще было сложно.

Когда я сообщила отцу, что нашла работу, он лишь поморщился и раздраженно пожал плечами.

– Делай, как тебе лучше.

– И это все? – удивилась я. – Даже не станешь меня отговаривать?

Отец тяжело вздохнул.

– Ты всегда поступала как хотела. А у меня сейчас нет сил спорить. Конечно, странно работать простым переводчиком,

окончив институт международных отношений. Но это твой выбор...

– Я буду не просто переводчиком, я же объясняла.

– Хорошо, Даша. Пусть так, – устало произнес отец.

– Папа... Может, мы хотя бы попробуем вернуться к нормальной жизни? – мягко предложила я.

– Извини, я еще не готов, – покачал он головой, не глядя на меня.

– Ладно. Я хотела спросить. Не будешь против, если я откажусь от домработницы? Ты дома почти не ешь, а себе я сама могу готовить. Ну и убираться пару раз в неделю.

– Решай сама. Мне все равно, – ответил отец. – Лучше скажи, как там у вас с Егором?

– Все хорошо. Он мне нравится.

– Отлично. Ты ведь готова к тому, что он сделает тебе предложение? Что ты ответишь?

Хотя в своих мыслях я уже не раз обдумывала этот вопрос и даже решила, что готова, сказать это вслух почему-то не решилась. И просто пожала плечами.

– Егор пока не спешит. И я тоже. Думаю, нам нужно чуть больше времени, чтобы узнать друг друга.

– Не вижу причин тянуть, – отрезал отец.

– Я не хочу оставлять тебя одного, – тихо пробормотала я. – Если мы поженимся, нам придется переехать. Давай подождем, пока тебе станет лучше.

– Я не знаю, Даша... Не понимаю, как мне будет лучше, – с

горечью произнес отец. – И будет ли вообще. Но если ты выйдешь замуж, хотя бы одну проблему с моих плеч уберешь. Пожалуйста, подумай об этом.

– Хорошо, – кивнула я, еле сдерживая слезы. Отец задумчиво смотрел мимо меня, вздохнул и добавил:

– Мне тяжело здесь находиться. Я хочу перевестись на несколько лет в Лондон. Но тебя одну тут не оставлю. А если ты выйдешь замуж, то будешь под присмотром. В конце концов не понравится с ним жить, разведешься. Я потребую, чтобы составили брачный контракт. В случае развода тебе достанется половина всего имущества, так что ты ничего не потеряешь.

– Кроме нескольких лет своей жизни, – вздохнув, ответила я. – Папа, пожалуйста, это не бизнес, а моя жизнь. Не надо подходить к ней со своими мерками, – мне хотелось достучаться до него. Ведь раньше у нас получалось говорить по душам, слышать друг друга. Но, к сожалению, не сейчас. Отец раздраженно произнес:

– Твое упрямство не добавляет мне спокойствия. Я уже устал от наших споров, – поднялся и вышел из комнаты.

На следующий день с утра я решила немного поработать в саду. Отец сегодня остался дома, а к обеду должен был приехать Егор. Я залезла в высокие заросли жасмина и собиралась их немного проредить. Это был любимый мамин кустарник. Она специально высадила его около беседки, и мы часто

сидели там летними вечерами, пили чай и болтали обо всем подряд, вдыхая упоительный сладковатый запах.

Счастливые воспоминания сплошным потоком обрушились на меня, и я не удержалась. Уронила на землю садовые ножницы и давилась рыданиями, размазывая по лицу слезы. Неожиданно я услышала шаги и выглянула из кустов: это папа решил немного прогуляться по саду. Я быстро спряталась обратно и замерла. Не хотела, чтобы он еще больше расстроился, увидев меня в таком состоянии.

Через минуту раздался звук открываемых въездных ворот и шум машины. Это наверняка Егор заехал на территорию и припарковался на стоянке. И действительно, папа громко произнес:

– Егор, иди сюда. Я здесь.

Показываться зареванной на глаза Егору хотелось еще меньше. Придется пересидеть в кустах и подождать, когда мужчины зайдут в дом. Тогда я смогу вернуться через задний вход и привести себя в порядок. Совсем рядом зазвучал голос Егора:

– Добрый день, Павел Степанович. А где Даша?

– В доме, наверное. погоди, я хотел с тобой поговорить.

– Хорошо. Слушаю вас.

– Скажи мне, когда ты наконец сделаешь предложение? – вдруг спросил отец раздраженным тоном. Меня мгновенно бросило в жар от стыда. Такой резкий вопрос показался очень неуместным. Как будто отец заставлял Егора женить-

ся на мне. Однако тот совсем не возмутился, а спокойно ответил:

– Павел Степанович, мы же договаривались. Я сам решу этот вопрос. Даша уже практически готова. Еще немного, и все решится, как надо. На вашу дочь нельзя давить, вы же сами это прекрасно знаете.

– Знаю, конечно, – буркнул отец. – Давить и не надо. Нужно просто помочь осознать, что ты для нее идеальная пара. Я думал, Даша уже давно по тебе сохнет. Где твоя хваленая сноровка? Дождешься, она с кем-нибудь еще познакомится и взбрыкнет.

– Не взбрыкнет. Все идет по плану. Она уже привыкла ко мне, я ей нравлюсь. У нас все хорошо.

– Ты уверен?

– Уверен. Я знаю, что делаю.

– Тогда не тяни. Мы с твоим отцом уже обсудили все подробности. Сразу после свадьбы оба вложимся в совместный проект, как и договаривались. И ты встанешь во главе. Мне скоро ехать в Лондон, я хочу завершить эту сделку до отъезда. А еще хочу, чтобы Даша была пристроена. Ей пора заняться семьей, детьми. Дом мы с Олегом вам тоже присмотрели. Я попросил риэлтора придержать его для нас. Так что давай, дело только за тобой.

– Я работаю над этим. Но торопиться нельзя. Можно только все испортить.

Мужчины ушли в дом, а я осталась в кустах, молясь, что-

бы они меня не заметили. И лишь когда за ними закрылась входная дверь, я выбралась на дорожку и быстро направилась к стоянке. Больше всего сейчас я боялась встретиться с отцом или Егором. Мне нужно было немедленно покинуть дом, побыть наедине и подумать.

Хорошо, что обычно я оставляла ключи в машине. И хотя права лежали в сумочке в моей комнате, сейчас мне было на это наплевать. Прямо в рабочей одежде, испачканной в земле и траве, я села на сиденье и завела мотор. Отъехала совсем недалеко от нашего поселка, припарковалась на небольшой стоянке и опустила голову на руки, лежащие на руле.

Я ясно ощущала, как холод и оцепенение, поселившиеся в груди после подслушанного разговора, сменяются яростью. Она разгоралась во мне бушующим огнем. Каждое слово из ужасной беседы близких мне мужчин подпитывало этот огонь еще сильнее. Как они смели вот так решать мою судьбу! Использовать в своих планах, словно марионетку! Кем они все меня считали: бездушной куклой, не имеющей никаких чувств? Которую можно спокойно и хладнокровно заставить играть нужную им роль?

Меня сделали всего лишь бесплатным приложением к устраивающей всех троих сделке. Отец! Неужели он мог согласиться на такое? А если это вообще он предложил? "Давайте создадим совместный бизнес. Ну и в качестве залога возьмите мою дочь." Так это было? А те и довольны. Зачем

смотреть в зубы даренному коню? То есть кобыле? Я истерически засмеялась.

Егор! Господи, какой же я оказалась дурой. Ведь, и правда, поверила в его чувства. Считала, что небезразлична ему! Так радовалась, когда он меня целовал. Сейчас мне было одновременно больно, горько и ужасно стыдно. А еще меня разъедала изнутри злость. Ну уж нет, я не стану молчаливой, бесправной жертвой! Не дам закончить эту игру по только им известным правилам. Не позволю использовать меня втемную.

В этот момент в моем кармане зазвонил телефон, от неожиданности я дернулась. Потом аккуратно достала мобильный и взглянула на экран. Это был Егор. Наверное, гадают, куда я подевалась. Что ж, пусть поволнуется, мой несостоявшийся жених! Я представила его красивое улыбающееся лицо, и от отвращения меня едва не затошнило. Нет, не хочу больше его видеть, так что обойдется без объяснений.

Я просидела в машине еще два часа, когда заметила, как мимо пронесся джип Егора. Видимо, он устал ждать и уехал, раз уж на его звонки я не отвечала. За это время моя ярость перегорела, от нее остался только пепел, а еще опустошение. Теперь в груди было холодно и пусто. Но зато я уже знала, что буду делать.

Я вернулась домой. Зашла через задний вход и сразу же поднялась к себе в комнату. Быстро приняла душ, переоделась и собрала вещи. Конечно, не все, здесь их было слиш-

ком много. Набрав две дорожные сумки самого необходимого, я присела за письменный стол, набросала записку отцу и оставила ее на видном месте. "Я все знаю. Случайно подслушала ваш с Егором разговор в саду. Не уверена, что смогу когда-нибудь простить тебе это. В любом случае больше не учитывай меня в своих планах. Вашей марионеткой я точно не буду." Подхватила сумки и пошла к машине.

2.2

Через полчаса я остановилась на стоянке у небольшой загородной гостиницы и оплатила номер на два дня. Портъё принес мои сумки, но я не стала их разбирать. Вряд ли я надолго здесь задержусь. Первым делом надо будет найти себе нормальное жильё в городе. С хорошим интернетом, чтобы не пострадала моя работа. За две недели я уже втянулась в нее, а главное, начальница осталась довольна и всю хвалила меня. К тому же при неплохой зарплате времени на работу уходило не так уж много. С одной стороны, это хорошо. А с другой, что я буду делать в свободные часы? Не хотелось тратить их на переживания.

С тех пор, как я приехала в гостиницу, мой телефон звонил, почти не умолкая. Пришлось перевести его в беззвучный режим. Это были отец и Егор. Судя по всему, папа уже прочитал мою записку и обменялся новостями со своим помощником. Однако разговаривать ни с кем из них я не хотела. С отцом, конечно, со временем придется помириться, это я понимала. Все-таки, он один у меня остался. А вот общаться дальше с Егором не собиралась. Сегодня наш неудачный роман завершился, по большому счету даже не начавшись.

Я просидела в номере до вечера, ненадолго спустилась в ресторан поужинать, вернулась к себе и сразу легла спать. А утром проснулась рано, несколько минут лежала в кроватке,

ти и предавалась невеселым мыслям. Потом потянулась за телефоном. Новые пропущенные звонки отсутствовали. Кажется, мужчины, наконец, поняли, что я не собираюсь на них отвечать. Зато от папы пришло сообщение: "Дочь, ты все неправильно поняла. Приезжай домой, поговорим. Егор очень переживает. Ответь на его звонки."

Я встала, побродила по комнате, а затем набрала смс: "Папа, я не вернусь. И не выйду замуж за Егора. Теперь уже ни за что. Прости, что не оправдала твои ожидания. Но и ты мои тоже не оправдал..." Какое-то время я стояла на месте, держа в руках телефон и ожидая ответа от отца. Но его не последовало. Тогда я пожала плечами, убрала мобильный и отправилась в ванную приводить себя в порядок.

Я как раз закончила завтрак и поднималась к себе в номер, когда пришло очередное сообщение. Услышав сигнал, я взглянула на экран и усмехнулась. "Даша, я принимаю твой выбор. Попробуй жить сама, как считаешь правильным. С сегодняшнего дня все твои карты заблокированы. Но помни, в любую минуту ты можешь одуматься и вернуться домой. Двери для тебя всегда открыты."

Что ж, подобную реакцию отца вполне можно было предсказать. Это как раз в его духе. Но неужели он, и вправду, таким образом надеется вернуть меня домой? Я думала, он меня лучше знает. Тем более, мама не раз говорила, что у нас с папой схожие характеры. Осталось проверить, кто кого переупрямит. Впрочем, в себе я была уверена.

Следующие два часа я потратила на изучение объявлений о сдаче квартир. Подобрала несколько неплохих вариантов и договорилась о просмотре. Захватила сумочку и спустилась вниз. Находясь глубоко в своих мыслях, я шагала к стоянке и вдруг резко остановилась. Потому что вплотную к моей машине был припаркован джип Егора. Водительская дверь открылась, и на улицу вышел он сам. Стоял и сверлил меня мрачным взглядом.

Я тяжело вздохнула – похоже, сцены не избежать. Но делать нечего. Ладно, надо разобраться с этим раз и навсегда. Решительно шагнув навстречу Егору, я остановилась напротив и холодно произнесла:

– Зачем ты приехал? Разве не понял, я не хочу больше тебя видеть.

– Понял, конечно, – криво усмехнулся он.

– Тогда чем обязана?

– Ну, да, как же это я забыл: все должно быть только так, как ты хочешь, – тон моего собеседника был полон сарказма. – На чужие желания тебе наплевать! Так не пойдет. Я хочу поговорить.

– Есть о чем? – теперь уже я не скрывала издевки. – По моему, все предельно ясно. Мне очень жаль, но ваши с отцом планы провалились. Рыбка сорвалась с крючка, уж извини...

– В чем дело? – вдруг спросил Егор с искренним недоумением. – Не понимаю, почему ты так разозлилась? Я не обманывал тебя. И как прежде хочу, чтобы ты стала моей женой.

Ну да, мы с твоим отцом обсуждали наше будущее. Что в этом плохого? Я мужчина и обязан о нем позаботиться.

Я задохнулась от возмущения:

– Как мило! Не понимает он! Если правда не понимаешь, объясню: наше будущее ты должен был обсуждать не с моим отцом, а со мной. Не участвовать в сомнительных переговорах за моей спиной, а сказать все прямо. Спросить, что нужно мне. Теперь понятно? Только к чему это недоумение? Ведь дело вовсе не в женитьбе, а в том, что я всего лишь часть вашей сделки. О чем вы там дружно договорились: папа отдает меня в качестве залога, а ты меня охмуряешь? И я должна считать себя польщенной?

– Так вот что тебя расстроило, – понимающе кивнул Егор. – Решила, главное для нас – проект, а ты лишь приложение к нему? Но все совсем наоборот! Если бы я не захотел жениться на тебе, никакая сделка меня бы не заставила на это пойти.

– Но мне ты об этом рассказать забыл! По-твоему, я откровенности не заслуживаю? Да о чем я вообще говорю? Какая еще честность? Не понимаю, к чему эта комедия? Сделали из меня марионетку и довольны! Только что ж ты меня так плохо узнал, если думал, что я соглашусь на такую роль? – я пыталась держать себя в руках, но гнев и возмущение захватывали все сильнее, мешая благим намерениям. Мой тон был полон презрения.

– Не рассказывал, потому что не хотел тебя торопить. Ду-

мал, тебе пока не до того. Теперь понимаю, зря! Ты так за-
циклена на себе и своих переживаниях, что никого вокруг
не замечаешь. Я ведь все время был рядом, старался поддер-
жать. Хотел сам решать все проблемы, заботиться о тебе, –
теперь в его голосе сквозила горечь и обида. – А ты?! Ты по-
пыталась меня узнать? Благосклонно принимала мои поце-
луи, но ни разу не сказала, что чувствуешь ко мне. Я вообще
тебе нравился? Или нет? Зачем тогда целовалась со мной,
лицемерка!

Вот здесь я не выдержала, резко шагнула к Егору и за-
несла руку, намереваясь вlepить пощечину. Он перехватил
мою ладонь у самого лица. Крепко сжимал запястье и почти
с ненавистью смотрел в упор. А потом глухо произнес:

– Ты просто избалованная, эгоистичная стерва! Мне по-
везло, что я не женился на тебе.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. В его гла-
зах бушевала буря, и я не понимала, чем она вызвана. Я со-
всем ничего не понимала. Ведь я права, почему он заставля-
ет меня чувствовать себя виноватой? Разве это я пыталась
его охмурить и женить на себе? Я обсуждала с его отцом на-
ше будущее, о котором он пока еще даже не догадывался?
Почему Егор тогда злится? Просто потому что я помешала
его планам? Так эту чертову сделку они могут заключить и
без меня. Чего ему от меня надо?

Я почувствовала, что гнев полностью испарился, оставляя
после себя лишь непонимание и усталость. Вырвала руку из

его пальцев и холодно произнесла:

– Вот и отлично. Теперь между нами полная ясность. На этом поставим точку. Надеюсь, я больше никогда тебя не увижу!

Я развернулась и услышала, как он громко выругался за спиной:

– Черт бы тебя побрал! – а затем со всей силы хлопнул дверью машины. Не оборачиваясь, я дошла до своей и быстро забралась внутрь. Завела мотор и выехала со стоянки, оставив джип Егора позади.

3.1

– Дашка, ты не могла найти что-нибудь получше? – Олеся смешно сморщила нос, разглядывая мое новое жилище. Я обернулась по сторонам и недоуменно пожала плечами.

– По-моему, здесь неплохо.

– Ну да, миленькая квартирка, – согласилась подружка. – Но тут всего две комнаты. С твоим загородным дворцом не сравнить.

– Ну и ладно. Ты же знаешь, теперь я сама должна платить за жилье. На большее у меня зарплаты не хватит.

– Наверняка, это ненадолго. Скоро твой папочка одумается и все вернет обратно.

– Не уверена, что хочу этого, – вздохнула я. – На самом деле, я давно подумывала жить отдельно. Вся эта ситуация только подтолкнула меня.

– И все-таки не понимаю, чего ты взбеленилась? Егор такой ммм... классный. Была бы в полном шоколаде! Богатый, красивый муж, новый, шикарный дом, чего еще желать? На твоём месте я бы вцепилась в него и не отпускала. А ты отказалась...

– Олесь, вот зачем ты говоришь эту ерунду? – раздраженно уточнила я. – Я же знаю, ты не такая. Мне нравится твоя откровенность и прямота. Но иногда от твоих рассуждений у меня уши вянут.

– Знаешь, – печально ответила Олеся, – вот если бы мне тоже с самого детства все подавали на тарелочке с голубой каемочкой, я, может, была бы не меркантильная, а, наоборот, вся такая романтическая. Как и ты, мечтала бы всего добиться сама. А сейчас я больше всего мечтаю, чтобы обо мне кто-нибудь позаботился.

– Ты так это говоришь, что мне уже захотелось извиниться. За то, что у меня такой отец.

– Ладно-ладно, не злись. Я все понимаю, – подружка быстро пересела с кресла ко мне на диван и легонько пихнула меня локтем в бок. – Конечно, чувства прежде всего. Но разве Егор тебе не нравится? Ты ему, по-моему, очень даже. Я видела, как он на тебя смотрит.

– Не знаю, что ты там видела, – покачала я головой. – Но если бы он меня любил, не поступил бы так со мной.

– А вдруг он как раз из-за любви? Просто хотел быть рядом?

– Ага, рядом с моим папочкой. Давай уже оставим эту тему. Я не хочу больше о нем вспоминать.

Эту фразу я и сама себе твердила несколько раз на дню, вот только выполнить ее не получалось. Злые, обидные слова сами собой всплывали у меня в голове. И я пыталась понять, прав ли Егор в отношении меня? Я, действительно, морочила ему голову или он все-таки мне нравился? Тогда считала, что нравится. Но если бы он сделал предложение, я бы согласилась? Ответа на этот вопрос у меня не было. Возможно,

я просто не успела узнать его как следует. Тогда возникает другой вопрос: почему? Почти два месяца он постоянно был рядом. Может, в его словах все же был смысл? И я, занятая своими переживаниями, не так уж стремилась по-настоящему его понять. Но целовать себя разрешала...

В общем, я полностью запуталась. И решила гнать от себя подальше все эти мысли. Толку от них все равно не было. Олеська как раз собралась уходить, и я проводила ее в прихожую. Только закрыла за ней дверь и сразу услышала звонок телефона. Быстро вернулась в гостиную и схватила его.

– Слушаю.

– Добрый день. Кудрявцева Дарья Павловна? – раздался в трубке вкрадчивый мужской голос.

– Да, это я.

– Платонов Дмитрий Иванович, адвокат. Вы не могли бы в ближайшее время подъехать ко мне в контору?

– А в чем дело? – насторожилась я.

– Я должен исполнить одно поручение, касающееся вас.

Приходите, и все узнаете.

– Чье поручение? – мне не удалось скрыть удивление.

– Все расскажу при встрече. Когда вам будет удобно?

– А можно сегодня? – спросила я, даже не пытаясь бороться с собственным любопытством.

– Конечно. Тогда жду вас. Пожалуйста, не забудьте паспорт и свидетельство о рождении. Адрес сейчас пришлю, – собеседник отключился, а через минуту прислал сообщение

с названием улицы и номером дома. Я вбила адрес в интернет, он оказался не так уж и далеко.

Все время, пока я вела машину, пыталась понять, что это может быть за поручение? И кто его дал? А потом вдруг меня осенило: что, если это происки отца, чтобы вернуть меня домой? Но что такого он мог придумать, чтобы для этого понадобился адвокат? Решил лишить меня наследства? На мой взгляд, слишком уж радикально и мелодраматично. А этими качествами отец никогда не страдал.

Адвокатская контора оказалась совсем небольшой, и в данный момент я была ее единственным посетителем. Когда сообщила секретарше у входа, к кому пришла, она предложила присесть на кожаный диванчик, а сама скрылась в кабинете. Через пару секунд выглянула и пригласила меня войти. Сидящий за столом мужчина в строгом деловом костюме поднял голову и вежливо улыбнулся, жестом показывая на стул. Подождал, пока я устроюсь, и внимательно оглядел меня с головы до ног. Только потом попросил документы. Получив их, очень тщательно изучил все страницы, еще раз оценивающе окинул меня взглядом. Наконец потянулся и достал из ящика большой конверт из плотной светло-желтой бумаги.

– Итак, исполняю поручение, – громко заявил он. – Я должен передать этот конверт лично в руки Кудрявцевой Дарье Павловне, то есть вам. Что я сейчас и делаю. Вот, пожалуйста, возьмите, – мужчина протянул мне конверт. Я взяла его

и недоуменно уставилась на собеседника.

– Это все? Я могу идти?

– Да, конечно. Только распишитесь вот тут, пожалуйста, – он подвинул ко мне большую толстую тетрадь. Я оставила автограф и снова взглянула на мужчину.

– Можно узнать, кто дал вам это поручение?

– Кудрявцева Наталья Дмитриевна.

– Мама?! – воскликнула я. – Но как же... Когда она это сделала?

Адвокат посмотрел в свои записи.

– Двадцать пятого июля.

– Этого не может быть! Двадцатого мама уехала в Сосновку и оставалась там неделю до дня своей смерти. Вы вообще знаете, что она умерла?

– Знаю, – спокойно произнес мужчина. – Это было условием выполнения поручения. И ошибки никакой нет. Двадцать пятого июля она была здесь, у меня в кабинете. Где мы и оформили ее поручение.

Несколько секунд я растерянно смотрела на собеседника. Мама, действительно, была здесь? Приехала в город на один день и ничего нам не сказала? Не заехала домой, не позвонила? А потом снова вернулась в деревню? Что вообще происходит? Я ничего не понимала. Мозг зацепился за странную фразу, и я потрясено спросила:

– Что за условие вы упомянули?

– Я должен был передать вам конверт через месяц по-

сле смерти вашей матери. Если, конечно, таковая случится. Смерти при любых обстоятельствах: естественной, насильственной, неважно. Что я и сделал. Извините, немного задержался, болел.

– Но... почему? Зачем маме это было нужно?

– К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос. Не обладаю такими сведениями. Я вообще больше ничего не знаю. И что в конверте, тоже. Он предназначен исключительно для вас.

Почти бегом я выскочила из адвокатской конторы и быстрым шагом дошла до машины. Забралась внутрь и аккуратно вскрыла конверт. Терпеть до дома не было никаких сил. Мне на колени выпала сложенная пополам бумага. Всего один лист, исписанный аккуратным маминым почерком. Первая же фраза бросилась мне в глаза: "Дорогая, если ты читаешь это письмо, значит меня нет в живых". Слезы мгновенно брызнули у меня из глаз. Я быстро отвела руку в сторону, стараясь не намочить драгоценные листы, и попыталась справиться с рыданиями. А когда это с трудом удалось, продолжила чтение.

"Дашенька, я догадываюсь, что ты сейчас чувствуешь. В твоей голове наверняка немало вопросов. И мне так много нужно тебе рассказать, но я не знаю, с чего начать. Прости, это нелегко. Я могла бы просто прислать тебе свою исповедь, но не стану обрушивать всю ужасную информацию сразу. Ты

мне не поверишь. А если даже и поверишь, правда может тебя сломать. А я этого не хочу. Я боюсь за тебя! Но и молчать больше нельзя.

Сначала тебе придется принять главное: все, что произошло со мной, я полностью заслужила. Мне некого в этом винить, кроме себя. Понимаю, как тяжело тебе это читать. Но теперь я буду говорить только правду. Во всем виновата я. Чудовищные ошибки, совершённые из страха, малодушие, обман – вот неполный список моих грехов. Они и привели к такому результату. И чтобы прервать эту страшную цепь, я пишу тебе письмо. К огромному сожалению, последствия моих поступков затронут и тебя.

Сейчас я представляю, как ты смотришь на меня с изумлением, недоверием. Как ждешь, что я объясню свои страшные слова. Обещаю, ты все узнаешь. Мы пойдем с тобой потихоньку, шаг за шагом. Слишком много набралось секретов, которые я так долго хранила в себе. Пора им вырваться на свободу.

Помнишь, в детстве ты любила играть в игру, когда я оставляла тебе подсказки, а ты шла по ним и отыскивала сюрприз. Сейчас мы тоже сыграем в эту игру. А призом будет правда. К тому времени, когда дойдешь до конца, ты сможешь ее принять. Я верю в это. А еще верю в тебя! У меня очень умная, смелая и находчивая дочь. Упрямая и самостоятельная. А значит, у тебя все получится.

Я хочу попросить только об одном. Пожалуйста, не пока-

зывай эти бумаге папе. И не рассказывай ему о нашей игре. Я знаю, ему сейчас очень плохо. Но он слишком прагматичный и рациональный. И не сможет принять правду. В каком-то смысле, ты, дочка, сильнее его. Твой ум гибче. Возможно, когда ты все узнаешь, то захочешь с ним поделиться. Это решение я оставляю за тобой. Но только не сейчас. Прямо вслух пообещай, что выполнишь мою просьбу и оградишь его от наших с тобой дел, пока они не закончатся. Пусть хоть немного поживет в покое. Ну а мы начнем."

После этого текста на бумаге оставалось всего две строчки. "Итак, первая подсказка. Трифонова Екатерина Владимировна. Улица Льва Толстого, 15-45". И больше ничего. Никаких намеков и объяснений, что это вообще за женщина? Что мне с ней делать? Найти и поговорить? Но о чем?

Я еще раз со всех сторон осмотрела бумагу, но никаких пропущенных деталей не обнаружила. Похоже, других тайн, кроме самого текста, она не скрывала. Убрав все обратно в конверт, я задумалась. Итак, сейчас в моих руках свидетельство какой-то страшной маминой тайны. Секрета, судя по всему, приведшего к ее смерти. Все-таки мои подозрения, что с этой смертью что-то не так, были оправданны. А еще мама пишет, что ее тайны касаются и меня.

Я почувствовала, как грудь стянуло холодом. И передо мной возник главный вопрос: стоит ли ворошить эти секреты? Вытаскивать их на свет? Я совершенно не была в этом уверена, но прекрасно понимала, что остаться в стороне те-

перь не смогу. Выбросить конверт и зажить прежней жизнью, сделав вид, что его не было, просто не возможно. А значит, я шагну на этот путь и посмотрю, куда он меня приведет.

Остается второй вопрос: должен ли кто-нибудь узнать об этом? В одном мама была права. Папе говорить точно не стоит, это только добавит ему страданий. Тем более, неизвестно, что я вообще накопаю. Тогда кто еще остается: Олеся? Я вдруг остро осознала, что не хочу ни с кем делиться письмом. Оно мое, наша с мамой общая тайна. Последняя тайна. Все, что осталось у меня от нее.

Еще несколько минут я раздумывала, отправляться ли по указанному в подсказке адресу прямо сейчас. С одной стороны, меня подмывало это сделать. С другой, я чувствовала, что пока не готова. Меня одолевала тревога, беспокойство и мрачные предчувствия. Слишком сильны были ощущения, что привычная картина мира может в скором времени полностью измениться. И я сама открою эти двери, выпуская демона наружу.

Да, я приняла решение. Но сначала стоит набраться сил. Дать себе время осознать новую информацию, хоть немного привыкнуть к ней. К тому же, меня еще ждет работа, я не выполнила план на сегодня. Так что пока поеду домой. Но вот завтра... завтра я шагну в неизвестность. Приму предложенные мамой правила игры. И будь что будет!

3.2

Вечером я сидела за ноутбуком, доделывая работу. Отправила редактору переведенную статью, немного поразмышляла и вбила в поисковик адрес из маминого письма. В это время раздался звонок в дверь. Это оказалась Олеська. Ввалилась в прихожую с коробкой пиццы в руках и смачно чмокнула меня в щеку.

– Привет! Ну как тебе сюрприз? Надеюсь, ты еще не ужинала?

– Не успела пока. Ты как раз вовремя.

Пока подружка разувалась, я прошла на кухню, водрузила коробку на стол и достала тарелки. Олеська вымыла руки и присоединилась ко мне. Уплетала пиццу и делилась новостями о жизни и работе. Парня в данный момент у нее не было, и она донимала меня разговорами о том, как грустно быть без пары. Наверное, забыла, что я сейчас тоже одна. Но, в отличие от подружки, совсем не мечтаю о новой романтической встрече. Слишком уж плачевно закончилась предыдущая. А по большому счету, одиночество меня вообще никогда не тяготило.

После ужина я занялась посудой. Олеся прошла по комнате, посмотрела в окно, а потом заинтересовалась моим ноутбуком, лежащим на широком подоконнике.

– О, что это у тебя гуглкарты открыты? Куда собираешься-

ся? Улица Льва Толстого, 15 – это совсем недалеко от моей работы. Кто у тебя там живет?

Я мысленно выругалась, досадуя на свою забывчивость. Придется теперь выкручиваться.

– Не обращай внимания, это по работе. Ничего особенного.

– Точно? – недоверчиво прищурилась подружка. – А ты меня не обманываешь? Давай, колись, что за адрес? Сама видишь, у меня никакой личной жизни. Так хоть в чужой поучаствую.

– Олесь, ну правда, у меня тоже никого нет. Ты бы об этом знала. Я только-только с Егором рассталась. И, между прочим, все тебе подробно рассказала.

– Ладно, прости. Так когда ты там будешь? Если вечером, могу пересечься с тобой после работы. Посидим в кафе или просто погуляем.

– Я еще не знаю. Возможно завтра буду в том районе, тогда тебе позвоню.

Еще около часа Олеся провела у меня дома, потом поехала домой.

На следующее утро я проснулась рано и сразу встала с кровати. Мысли о предстоящей встрече не давали спокойно валяться в постели, вызывая дрожь возбуждения. Но все же я уговорила себя не торопиться и потерпеть до вечера. В будний день большинство людей обычно находятся на работе.

Я еле дотерпела до пяти часов, а потом махнула рукой и пошла собираться. Через сорок минут моя машина уже стояла под окнами нужного дома: неплохо сохранившейся кирпичной пятиэтажки. Не тратя времени на колебания, я решительно выбралась из салона и зашагала к подъезду. 45-я квартира располагалась в третьем подъезде. Пешком поднявшись по лестнице, я на секунду замерла перед входной дверью, сделала глубокий вдох и нажала на звонок.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти и вопросительно уставился на меня.

– Здравствуйте. Вы к кому?

– Трифонова Екатерина Владимировна тут живет? – неуверенно спросила я, почему-то ожидая, что собеседник ответит отрицательно. Но мужчина лишь кивнул и крикнул куда-то за спину:

– Катя, это к тебе, – потом повернулся ко мне: – Подождите, пожалуйста, жена сейчас подойдет, – с этими словами он скрылся за дверью, а вместо него на пороге появилась женщина в возрасте, с симпатичным, немного усталым лицом. И абсолютно мне незнакомая. А я не представляла, что ей говорить.

– Добрый день. Вы ко мне? Чем могу помочь? – тем временем вежливо уточнила она.

– Здравствуйте... Я...

Моя растерянность не укрылась от собеседницы. Она недоуменно округлила глаза и спросила:

– Вы кто?

– Даша. Кудрявцева Дарья Павловна, – все, что я могла сказать.

– Даша?! – вдруг воскликнула женщина, подавшись вперед. – Дашенька, неужели ты? Господи, какая ты стала взрослая, красавица!

– Вы меня знаете? – облегченно выдохнула я.

– Ну конечно! Я же твоя няня. Ты меня совсем не помнишь? Я тоже не сразу тебя узнала, хотя и ждала.

– Вы меня ждали? Почему?

– Ну как же, особенно, после визита твоей мамы, – женщина с досадой оглянулась назад и произнесла: – Знаешь, тут неудобно разговаривать, а в квартире сын с мужем. Давай лучше посидим в кафе, здесь за углом.

– Большое спасибо, я вам очень благодарна, – ответила я, удивляясь всему, что происходит. Оказывается, мне и делать ничего не надо, достаточно было лишь появиться на пороге этой квартиры.

– погоди, я быстро. Только переоденусь и сумку захвачу, – кивнула моя бывшая няня.

Минут через десять мы с моей спутницей устроились друг напротив друга за столиком небольшой уютной кофейни. Я больше не могла пребывать в неизвестности и сразу же спросила:

– Вы сказали, что встречались с мамой. Когда это было?

– Месяца два назад. В конце июля.

Еще одна удивительная новость! Значит, мама во время своей последней поездки в город посетила не только адвокатскую контору. Что же она еще здесь делала, не ставя нас в известность? А главное, почему?

– Екатерина Владимировна, вы знаете, что вскоре после вашей встречи мама погибла?

– Боже, нет! Какой ужас! Как это случилось? – потрясено воскликнула женщина.

– Несчастный случай. Она утонула в озере.

– Надо же, как печально! Прими мои соболезнования... – она немного помолчала и задумчиво продолжила: – А знаешь, Дашенька, Наташа как будто предчувствовала это.

– Что вы имеете в виду?

– Во время нашей встречи она показалась мне какой-то отстраненной, погруженной глубоко в себя. И немного грустной. Конечно, я давно ее не видела. Но это прямо бросилось в глаза.

Эти слова вызвали у меня искреннее удивление. Почему я не замечала ничего подобного? Я же виделась с мамой каждый день до ее отъезда в Сосновку. Неужели настолько была занята собой, что проглядела такие важные детали? Я неожиданно вспомнила обвинения Егора и вздохнула. И снова вернулась к разговору.

– Вы пересеклись случайно?

– Нет. Наташа сама ко мне пришла.

– Зачем?

– Просто пообщаться. Сказала, что пересматривала твои детские фотографии, заметила на них меня и вспомнила то время. Ну и решила встретиться, узнать, как дела. Все эти годы мы поддерживали связь только через соцсети. Всего пару слов, поздравление на день рождения и тому подобное. А тут Наташа написала, что хочет повидаться, попросила мой адрес.

Такое объяснение показалось мне еще более странным. Я не раз пересматривала свои детские фотографии, альбомы хранились у меня в комнате, но няни на них точно не было. Я даже помнила, как когда-то давно расспрашивала маму про свою самую первую няню, остальных я хоть немного помнила. Мама сказала всего пару слов и даже не заикнулась про снимки.

– А почему после этой встречи вы ждали меня? – вернулась я к разговору.

– Так Наташа и предупредила. Сказала, что ты проявляешь интерес к своему детству и особенно к той страшной истории. И просила все тебе подробно рассказать.

– К какой истории? – мне уже казалось, что я нахожусь в какой-то параллельной реальности. Оказывается, в моем детстве была страшная история. Почему же я тогда ничего о ней не знаю?

В этот момент что-то отвлекло меня от разговора. Я вдруг ясно ощутила жжение между лопатками и рассеянно обернулась. И натолкнулась на знакомый мрачный взгляд. В две-

рях кафе стоял Егор. Я еле сдержала нервный смешок. Только стоило его вспомнить, и он тут как тут! Пару секунд Егор смотрел прямо на меня, а потом равнодушно отвернулся и прошел к свободному столику в противоположном конце зала. Сел вполоборота ко мне и жестом подозвал официантку.

Мне стало очень любопытно, случайно ли он тут оказался, но сейчас у меня было гораздо более важное дело. Я лишь досадливо поморщилась и снова повернулась к своей соседнице.

– Простите, так что это за история?

– Ну, про твое похищение.

Я вздрогнула и резко выпрямилась. Похищение?! В детстве? Никогда родители не говорили ни о чем подобном! Но я не стала произносить это вслух, испугавшись, что женщина удивится и откажется продолжать.

– Да, мама была права. Меня действительно очень волнует это происшествие. Пожалуйста, расскажите о нем все, что помните.

– Хорошо, Дашенька. Хотя вспоминать такое тяжело, но ведь главное, все обошлось. К тому же, я пообещала Наташе... В общем, по порядку. Как раз накануне этого ужаса тебе исполнилось полгодика. Мы с тобой часто гуляли в парке, ты очень любила находиться на природе, среди деревьев. Показывала мне пальчиком на разные листики, я их поднимала и давала тебе в ручки. А ты их рассматривала, перебирала, нюхала. Вот и в тот раз также было. Я сидела на лавоч-

ке, твоя коляска стояла рядом. Ты была в ней, любовалась букетом листьев в руках. И тут, уж не знаю, как получилось, но я заснула. Никогда раньше, да и потом, такого со мной не случилось, я вообще не могу спать на улице. Но вот тогда прямо отрубилась примерно на час. То ли свежий воздух меня сморил, то ли еще что. В общем, просыпаюсь я, как от толчка, и не могу понять, что происходит. Смотрю вокруг, а коляски нигде нет! До сих пор страшно вспоминать, как я испугалась, как ругала себя. Бегала по парку, кричала, плакала. Потом позвонила твоим родителям и в полицию. Все быстро приехали, полиция начала прочесывать парк. Ну и вскоре тебя нашли. Коляска стояла в кустах совсем недалеко. А ты мирно спала. В кулачке у тебя была зажата веточка, кажется, жасмина. Такие кусты нигде в парке не росли. Вот и все. Ничего тогда больше не узнали. Кто увез тебя и оставил потом в кустах, зачем? В парке были люди, но они ничего странного не заметили. Отец твой очень на меня разозлился и сразу уволил. Я два дня дома на успокаивающих просидела, корила себя. И вдруг твоя мама позвонила, позвала меня обратно. Сказала, что ничего страшного не случилось. Полиция посчитала, это дети баловались и коляску с тобой спрятали, заметив, что я сплю. Может, так и было, хотя я до сих пор сомневаюсь. В общем, все вернулось обратно. Мне снова разрешили гулять с тобой в парке и даже режим не ужесточили, хотя я и ожидала. Думала, будут теперь за каждым моим шагом следить, проверять. Но ничего такого не было.

На самом деле, я сама чувствовала себя виноватой и тебя из виду больше ни на минуту не выпускала. Строго соблюдала любые инструкции. Вот так и проработала у вас, пока тебе пять лет не исполнилось. И больше ни одного прокола. Хотя мне и одного раза хватило. До сих пор все перед глазами стоит. Да и ты, хоть и маленькая была, видно что-то поняла. Сны твои страшные тебе еще снятся?

– Сны? – я почувствовала, как сжалось сердце. Так вот откуда этот сон, преследующий меня с самого детства! Но почему же мама говорила совсем другое? Я не раз спрашивала ее о причине ночного кошмара. Она рассказала, что маленькой я очень любила устраивать себе разные убежища. И однажды в нем заснула. А когда проснулась, сильно испугалась. И папа тоже придерживался этой легенды. Что за странный заговор молчания вокруг похищения? Родители оберегали меня? Ну возможно, пока я была ребенком, это имело смысл. А потом? И почему в конце концов мама передумала и захотела, чтобы я узнала правду? Это беспокоило еще больше – ведь правда связана с ее смертью. А значит, и похищение тоже!

– Так сны начались после похищения?

– Да, примерно через полгода. Мы с твоей мамой первый раз очень испугались, когда ты во сне закричала. Знаю, родители консультировались у психологов. Но кошмары все равно продолжались.

– Большое спасибо, что все рассказали! – поблагодарила

я женщину. – Для меня это, правда, очень важно. А вы сами тогда в парке ничего странного не заметили? Может, людей подозрительных или еще что-нибудь?

– Нет, Дашенька, ничего такого. Меня полиция много об этом расспрашивала. Но все было как обычно. Рядом с нами на другом конце скамейки только женщина пожилая сидела и больше никого. Недалеко на лужайке дети играли, вот это было. Бегали, шумели. Я как раз собиралась подальше от них уйти, чтобы ты могла поспать. А в результате сама уснула.

– Понятно, спасибо, – я откинулась на спинку сиденья и рассеянно взглянула по сторонам. И заметила, что Егора в кафе уже нет, его столик был пустым. Почувствовав облегчение, я снова повернулась к женщине. Мы разговаривали еще около получаса. Екатерина Владимировна активно интересовалась моей жизнью. Я проявила ответную заинтересованность и узнала немного подробностей о том, как сложилась ее судьба. Мы уже допили кофе, оплатили счет. Я еще раз произнесла слова благодарности и собиралась попрощаться, как вдруг собеседница открыла сумочку, достала обычный почтовый конверт и протянула мне.

– Дашенька, вот возьми. Это твоя мама просила передать, если мы с тобой встретимся.

– Она как-то объяснила свою просьбу? – уточнила я, скрывая удивление, и забрала конверт.

– Наташа попыталась объяснить, а потом махнула рукой и сказала, что у вас сейчас все не просто. И ей очень нужно,

чтобы я помогла. Ее состояние этим словам как раз соответствовало. Ну а я что? Мне не сложно.

Через пару минут мы вместе вышли из кафе. Моя бывшая няня попрощалась и направилась к своему дому, а я в задумчивости стояла на тротуаре и вдруг увидела припаркованный у дороги джип Егора. И решительно направилась к нему. Сам Егор сидел внутри и смотрел в мою сторону. Сначала мне показалось, что он уедет. Но мой бывший парень удивил: вышел из машины и остановился рядом, поджидая меня.

Я подошла ближе и внимательно взглянула на него. Странно, мы не виделись всего-то ничего, но сейчас мне показалось, что передо мной другой человек. От него веяло холодом. Жесткий взгляд не располагал к общению. Губы кривились в усмешке. Раньше, до нашей ссоры, я никогда не видела его таким. Интересно, это и есть его настоящее лицо? А вся та внимательность и забота, что он демонстрировал мне прежде, была только игрой?

– Привет! Должна сказать, что не рассчитывала на такую скорую встречу, – произнесла я. Хотела поговорить спокойно, но помимо моей воли в словах сквозила издёвка. В глазах Егора зажегся опасный огонек. Я заметила, что он сжал пальцы в кулаки. Похоже, сейчас он воспринимает меня как врага. – Что ты тут делаешь? Только не надо кормить меня сказочками о случайностях. Все равно не поверю.

– Да кто ж тебя заставляет? – ответил он мне в тон. Но потом вдруг изменил его и продолжил уже спокойно: – На самом деле, я выполняю просьбу твоего отца. Павел Степанович беспокоится о тебе, хотя я считаю, ты этого не заслуживаешь. Он просил за тобой присмотреть.

Вот как! Папа, как всегда, в своем репертуаре. Мне что, теперь придется болтаться по городу в сопровождении сомнительной охраны? Только этого не хватало! От насмешливо-презрительного взгляда собеседника я разозлилась еще больше, тут же захотелось вывести Егора из себя.

– Представляю, как ты, наверное, зол. Мечтал возглавить крупную компанию, а приходится кататься хвостом за какой-то девчонкой! Отец сделал из тебя мальчика на побегушках. Только чего ж ты теряешься? Охмури еще какую-нибудь богатую невесту. В нашем городе их полно! И будет тебе новое счастье.

Вот здесь его глаза сверкнули уже настоящим бешенством. Он резко шагнул ко мне и замер. Грудь высоко вздымалась, ноздри раздувались от гнева.

– Ты... Ну ты и дрянь! Твой отец не заслуживает такой дочери.

– Так я и съехала от него. Избавила от своего общества. Но видно он считает по-другому, раз отправил тебя за мной. Наверное, надеется, что я растаю и кинусь тебе на шею. Ты тоже на это надеешься? – хотя от такой неприкрытой ненависти мне было немного страшно, я продолжала дразнить зве-

ря. Сама понимала, что меня несет, но не могла остановить-ся. Видимо, наше болезненное расставание оставило в душе гораздо больший след, чем я рассчитывала.

– Да я каждый день бога благодарю, что он избавил меня от тебя! – ответил мой бывший жених.

– Значит, у нас взаимные чувства. Давай на них и остановимся. Может, ты все же плюнешь на приказы отца и отстанешь от меня?

– Если ты пыталась этого добиться, то у тебя не получилось. Мои соболезнования... – с издевкой ответил Егор, повернулся ко мне спиной и снова забрался в джип. Я тяжело вздохнула и пошла искать свою машину, все еще припаркованную у дома няни.

3.3

Минут двадцать я сидела в машине и не торопилась уезжать. Нужно было немного прийти в себя. Больше всего беспокоило, что Егор застал меня за разговором с Екатериной Владимировной. Наверняка, теперь доложит об всем отцу. А если еще успел нас сфотографировать, то папа может няню опознать. И что тогда делать? К тому же Егор дал ясно понять, что продолжит слежку. Но и я останавливаться не собиралась. Следовательно, придется напрячься и придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение моих действий для отца.

Из-за всех этих бурных эмоций я совсем забыла о письме, которое передала мне женщина. А сейчас вспомнила и достала его из сумочки. Там был всего один лист бумаги. Я осторожно погладила строчки, написанные маминой рукой. Как долго она готовилась к этой, последней в ее жизни игре? Что чувствовала, когда писала мне? Почему просто не поговорила со мной, пока была жива?

Морщась от боли, я прочитала письмо. Оно оказалось совсем коротким. "Дочка, дорогая, ты сделала это, прошла первый шаг! И теперь знаешь о похищении. Прости, что мы с отцом скрыли его от тебя. Скоро ты поймешь, почему. И да, твой страшный сон... он тоже оттуда. Как же мне хотелось избавить тебя от него. Особенно, когда я обнимала свою лю-

бимую крошку, вздрагивающую от рыданий. И тяжелее всего было осознавать, что я сама в этом виновата. Но сейчас ты уже взрослая и сможешь взглянуть своим страхам в лицо. Сделать то, на что я так и не решилась, пока была жива. И продолжала бы скрывать, если бы не умерла. Так странно писать о себе такое... Мне иногда кажется, что я просто сплю. Может, я сама себя пугаю? Со мной ничего плохого не случится, и ты никогда не прочтешь это письмо. Остается только молить бога об этом. Но на всякий случай вот тебе вторая подсказка: поговори с моим братом, твоим дядей."

Я опустила письмо на колени и удивленно уставилась в пространство. Поговорить с дядей? Но я же видела его два месяца назад, на похоронах. И он не пытался мне ничего рассказать. Возможно, обстановка была неподходящей. Вокруг много людей, суета. Да и я почти все время сидела в своей комнате.

На самом деле, я даже не помню, сказали ли мы друг другу хоть несколько слов. Ко мне тогда никто не приставал и вообще близко не подходил. Егор внимательно следил за этим, оберегал меня. Черт! Зачем я только о нем вспомнила? Может, тогда стоит вспомнить и фразу, брошенную им полчаса назад? Как он благодарит бога, что тот избавил его от меня. Очень отрезвляет, если накатывает неожиданная ностальгия.

Я снова переключилась на свои дела. Перебирала в памяти разговор с няней и размышляла. Что-то меня в нем заце-

пило, конечно, кроме самого похищения. А, вот оно! Представим, что у мужчины похищают дочь. Слава богу, ее быстро находят, но тот, кто это сделал, остается на свободе. Что станет делать этот мужчина? Логично, что начнет сильнее оберегать ребенка, усилит охрану. Возможно, вообще запретит на время гулять. Ну и тому подобное. А что сделал отец? Через два дня вернул провинившуюся няню обратно, будто то, что с ней случилось, не могло повториться снова. Разрешил ей опять гулять с дочерью и не ввел никаких ограничений. Почему?

Мой отец очень рациональный человек и уважает логику. А еще любит лишний раз перестраховаться. На мой взгляд, все его поведение говорит об одном – проблема была устранена. Может, похитителя на самом деле задержали и осудили? Я обдумала эту мысль и пришла к выводу, что такое невозможно. Тогда было бы уголовное дело, а няня проходила по нему свидетельницей. И она бы точно знала об этом.

А если похищение было связано с деятельностью отца? И он сам вычислил похитителя и разобрался с ним? Я даже боялась представить, как. Но такой вариант реален. Когда отец женился на маме, ему было 32 года. И работал он в то время помощником депутата областной думы. То есть возможности, недоступные обычным людям, вполне себе имел. Тут-то все сходится, но при чем здесь мама? Ее вина и ее смерть?

В общих чертах я знала, как познакомились мои родители. Депутат, с которым папа тогда работал, открывал в Сосновке

новую школу. А мама как раз заканчивала старую, которую вскоре закрыли. На том праздничном мероприятии они первый раз встретились. Папа все чаще и чаще приезжал в Сосновку, придумывая себе разные дела. А на самом деле просто хотел быть ближе к маме. Он же уговорил ее поступить в институт в городе. Ну а когда мама переехала сюда, папа пошел в наступление и быстро сделал предложение. Правда, с институтом вышла незадача. Маме пришлось переводиться на заочный, как только я родилась.

Родители так и жили в городе, в папиной квартире. Наш загородный коттедж построили гораздо позже, когда мне было уже пятнадцать. Лет с пяти каждый год на один летний месяц меня отправляли к бабушке с бабушкой в Сосновку. Я очень любила это время, нигде не чувствовала себя свободнее, чем там. Особенно, избавившись от постоянного контроля отца.

Папа очень меня любил и баловал. Но в то же время тщательно контролировал. Все должно было соответствовать его представлениям о жизни, начиная от школ, в которых я училась, и закачивая подругами, что допускались к нам в дом. Примерно до подросткового возраста меня это не напрягало, а потом во мне проснулся дух бунтарства. А еще упрямство, унаследованное от отца. То время для нашей семьи было не самым легким. Но наши стычки никогда не перерастали во что-то серьезное, потому что мы оба очень любили друг друга.

Тогда мы часто беседовали с отцом, и в конце концов он признал, что у меня есть голова на плечах. А в этой голове вполне практичный ум и трезвый взгляд на жизнь. Конечно, полностью отпустить бразды папа не мог, это не соответствовало его натуре. Но значительные послабления допустил. Меня это вполне устраивало. В дальнейшем я старалась не спорить с ним по мелочам. Но в важных для меня вопросах шла до конца, причем, никаких открытых конфронтаций больше не требовалось. Так как отец обычно соглашался с моими доводами.

Единственный сбой случился как раз с замужеством. На этой теме папу почему-то заклинило. Он постоянно твердил, как это важно – найти подходящую пару. И активно участвовал в процессе, зазывая в наш дом всевозможных устраивающих его кандидатов в мои женихи. Мне было лень с ним спорить. Я пребывала в уверенности, что в нужное время смогу достучаться до него и как обычно настоять на своем. Но, как теперь оказалось, ошиблась.

Что касается мамы, до последнего времени у меня не было повода подозревать, что в ее жизни есть какие-то тайны. Все в ней казалось прозрачным и понятным. Да и когда этим тайнам появиться, если она вышла замуж в восемнадцать лет? Но сейчас весь мой мир перевернулся с ног на голову. Засыпая вечером в кровати, я не догадывалась, что принесет с собой новый день. Ладно, придется учиться терпению. Если верить маме, в конце концов я все узнаю.

Убрав письмо в конверт, я достала мобильный и набрала Олесю. Мне захотелось немного отвлечься от своих проблем. Встреча с подружкой для этого как раз очень подходила. Она обрадовалась моему звонку, и мы решили погулять по набережной, а потом перекусить в кафе. Отключив телефон, я завела мотор и вырулила со стоянки. Через пять минут нужно было подхватить Олесью у ее работы. Та, действительно, располагалась совсем близко.

Первая часть задуманной нами программы прошла спокойно. Мы медленно брели вдоль реки, вдыхая прохладный влажный воздух. Олесья, как обычно, болтала обо всем подряд, и я, пропуская мимо ушей этот привычный треп, могла сосредоточиться на своих мыслях. Правда, иногда слишком глубоко в них погружалась и отвечала невпопад, чем в конце концов насторожила подругу. Так что когда мы расселись за столиком милого кафе, расположенного прямо на набережной, Олеся пристально взглянула на меня и потребовала:

– Дашка, что происходит? Давай, колись! Я же вижу, ты не в себе. Конечно, ты и раньше не особо меня слушала. Но сегодня вообще перебор! У тебя кто-то появился?

– Господи, опять ты о своем, – с досадой качнула я головой. – Кроме парней в жизни больше ничего не может происходить?

– Может. Но вряд ли на тебя так подействует. Хотя с тобой как раз не все так просто. Меня твои реакции на некоторые

события до сих пор удивляют. Так в чем дело?

Глядя на подругу, я думала, что ей сказать. О мамином письме упоминать точно не собиралась. Но вот остальное... Возможно, в моих поисках пригодился бы совет со стороны. Надо только придумать подходящую легенду. И я ответила:

– Сегодня я встречалась со своей бывшей няней.

– Няней? – удивленно округлила глаза Олеська. – Это еще зачем?

– Знаешь, после смерти мамы я часто вспоминаю свое детство. Хочется узнать о нем побольше. Это меня немного поддерживает. В смысле, связь с мамой поддерживает. Будто она все еще рядом...

Подружка с грустью смотрела на меня.

– Понятно. Конечно, если тебе так легче. Мне наоборот, проще, когда я совсем не думаю о проблеме. Вот только это почти никогда не получается.

– У меня тоже не получается. И я решила не бороться с этим.

– И что няня? Просто поговорили о прошлом?

– Ну да, поговорили. И я узнала кое-что необычное. Странное.

– Что такое? – сразу же заинтересовалась Олеська.

– Оказывается, когда мне было полгода, меня похитили.

– Что?!

– Точнее, это было не совсем похищение. Мы с няней гуляли в парке, и коляска вместе со мной пропала. Полиция

начала прочесывать парк и нашла меня.

– Ничего себе, приключение! Твоим родителям пришлось поволноваться. Так кто это сделал? И зачем?

– А этот вопрос остался открытым. Решили, что дети ба-
ловались, но няня в этом сомневается.

– А ты?

– Я... пожалуй, тоже.

– Но если не дети, то кто? А главное, зачем? Тебя же сра-
зу нашли. Выкуп не просили, правильно? Странное похище-
ние.

– Согласна, все очень странно.

– Ты можешь спросить у отца. Наверняка, он знает, что
произошло.

– Могу, но не хочу. Во-первых, я с ним в ссоре. Во-вто-
рых, боюсь его огорчить. Он никак не справится со смертью
мамы. И копать в прошлом сейчас – не лучшая идея.

– Ясно. Но почему эта история тебя так взволновала? Все
ведь было очень давно, – поинтересовалась Олеська, разгля-
дывая меня.

– Сама не знаю. Может, потому что родители никогда не
упоминали о похищении. Вдруг это не единственный их сек-
рет.

– Везет же тебе, – вдруг сделала неожиданный вывод по-
друга. – Тайны, похищения, семейные секреты, страсти с
Егором. А моя жизнь такая скучная. Максимум, с началь-
ством на работе поцапаюсь!

– Уверена, что хотела бы, как у меня? Не накликай себе на голову. Это далеко не так весело, как кажется со стороны. А точнее, совсем не весело... – печально вздохнула я.

– Ладно, не грусти! Все образуется, – подбодрила меня Олеся.

Покинув кафе, мы загрузились в мою машину, и я повезла подружку к метро. Притормозив на светофоре, бросила взгляд в зеркало заднего вида и увидела джип Егора. Теперь, после нашего разговора, он даже не прятался. Стоял всего через машину от меня, так что я не могла не заметить его приметный автомобиль. Наверное, просто получал удовольствие, досаждая мне!

Я поморщилась, ощущая глухое раздражение. Но сразу же постаралась взять себя в руки. Он ведь этого и добивается – хочет вывести меня из себя. Не стоит ему помогать. Заметив, что мои пальцы крепче сжали руль, Олеська удивленно взглянула на меня. Я выдавила в ответ улыбку. Совсем не хотелось признаваться, что мой бывший парень теперь шпионит за мной. Высадила подругу у метро и поехала к себе. И лишь когда повернула во двор, проклятый джип оставил меня в покое, проехав мимо. Придется что-то с этим сделать. Нельзя позволять давить себе на нервы!

3.4

Первую половину следующего дня я просидела дома. Сначала ударно поработала за ноутбуком, потом занялась уборкой и готовкой. В процессе несколько раз подходила к окну и разглядывала двор. Но машины Егора не заметила. Немного поразмышляя, я решила на следующую встречу отправиться на метро. Вряд ли мой преследователь пойдет на такую жертву и спустится туда вслед за мной. Наверное, он ни разу там не был. Впрочем, я тоже давно не пользовалась подземкой, но сейчас сделаю это совершенно спокойно.

Потом я сходила в магазин за продуктами, постоянно оглядываясь по дороге. А ближе к вечеру устроилась на диване и набрала номер дяди Саши. Услышав мой голос, он явно обрадовался. Мы не разговаривали со времени похорон.

– Даша, здорово, что позвонила! Давно тебя не слышал, уже соскучился. Что там у вас происходит? С твоим отцом беседовал примерно месяц назад. Недолго, правда, он был занят. Но сказал, что в целом у вас все нормально, – собеседник немного помолчал, вздохнул и добавил: – ну насколько это сейчас возможно. Ты как? Держишься?

– Спасибо, дядя Саша. Все в порядке. Привыкаю потихоньку, хотя это сложно. Все время прошлое вспоминается. Когда мама рядом была.

– Да, понимаю. У меня тоже так. Но ведь жизнь не оста-

новишь. Что у тебя на личном фронте?

– Пока тихо. Но я не тороплюсь. На работу, вот, устроилась. Квартиру сняла, учусь жить самостоятельно. Думаю, пришло время.

– Молодец! Рад за тебя. Что за работа, расскажи подробней?

Несколько минут мы обсуждали мою трудовую деятельность. Потом я расспросила дядю о его новостях, о том, как поживает его сын – мой двоюродный брат. И лишь после этого аккуратно перешла к интересующей меня теме.

– Дядя Саша, ты когда разговаривал с мамой последний раз?

– Наверное, за неделю до того, как все случилось, – теперь подобный ответ уже не удивлял. Чего-то похожего я и ждала.

– Она сама тебе звонила или ты ей?

– Наташа позвонила. Сказала, что соскучилась. Ее тоже тянуло на прошлое. Может, предчувствовала что-то...

– А обо мне она говорила?

– Да, почти все время о тебе. Рассказывала о твоих успехах, что ты отлично закончила институт. Она очень тобой гордилась, – мне потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами и не разрыдаться.

– Мама не просила что-нибудь мне передать?

– А знаешь, было такое. Наташа хотела, чтобы я рассказал тебе о нашей жизни в Сосновке. О дедушке с бабушкой. Говорила, ты интересуешься этим. Пытаешься поболь-

ше узнать. Она была права, тебе это интересно? – уточнил собеседник.

– Да, очень! А сейчас еще больше. Когда думаю об этом, мама как будто снова со мной. Это поможет мне справиться.

– Надеюсь, так и будет. Я готов поделиться всем, что помню. Прямо сейчас?

– Если у тебя есть время.

– Ну хорошо. Все же, что тебя конкретно интересует?

– Не знаю... Наверное, все о маме. О ее детстве и юности.

– Как ты знаешь, Наташа младше меня на два года. Братья с сестрами часто ссорятся, а у нас такого почти не случилось. Хотя сильно близки мы тоже не были. У каждого свои интересы, они мало пересекались. Учились мы в одной школе. Тогда Сосновка была большой деревней, недалеко птицефабрика, многие там работали. Наши родители тоже. Люди хорошо получали, дома в большинстве своем были добротные. Вот школа требовала ремонта. И новую, действительно, построили. Но я к тому времени уже выпустился. Два года отслужил в армии. Потом вернулся, полгода прослонулся дома и уехал обратно на север. Понравилось мне там. Ну да ладно, речь сейчас не обо мне. Училась твоя мама хорошо, гораздо лучше меня. На собраниях ее часто мне в пример ставили. Честно говоря, это немного злило. Из серьезных конфликтов, связанных с Наташей, помню только один. Она меня тогда еще о помощи просила. У нее в классе учился мальчик, Андрей, и вот его травить начали. А сестра за

него заступилась. Против всех пошла. Некоторым это сильно не понравилось. В общем, мне пришлось вмешаться. Но вроде, все получилось, и их оставили в покое.

– Надо же, мама не побоялась так поступить? – удивилась я. – Обычно она конфликтов избегала. Старалась все мирно решить. А почему мальчика травили, не помнишь?

– Не особо. Там что-то с его семьей было связано. Отличались они от других, а люди такого не любят.

– А что было потом?

– Мама с Андреем стали друзьями. В школу и обратно всегда вместе ходили. Да и у нас дома он часто бывал.

– У мамы что, не было подруг?

– Я помню только одну, смешную такую с торчащими в стороны косичками. Она тоже к нам приходила. Сидели дружной троицей в комнате сестры или гуляли где-то. Это когда Наташа была свободна. Так то, родители много работали, и на ее долю большая часть всяких домашних дел перепала. Она меня на помощь звала, но, каюсь, я старался улизнуть на улицу, к друзьям.

– Ты помнишь, как мама с отцом познакомились? Или тебя не было в Сосновке в то время?

– Был. Как раз из армии вернулся и все подробно наблюдал. На открытии новой школы Наташе доверили перерезать ленточку. А отец твой ей ножницы подавал. Потом отошел в сторону и глаз от нее не отводил. Я недалеко стоял и все видел. После этого Паша к нам в Сосновку зачастил. Я тогда

сразу понял, что он на сестру глаз положил. Но она сначала с ним встречаться отказывалась. Помню, однажды он огромный букет привез и рядом с машиной у наших ворот целый час ее ждал. А она так и не вышла. Но твой отец не отступился. А дальше эта беда с Андреем случилась.

– Какая беда? – напряглась я.

– Погиб он, утонул.

– Подожди, так это про него родители говорили, когда за-
прещали мне купаться в озере? Теперь понятно. Я думала,
это был просто одноклассник. А они, оказывается, дружи-
ли...

– Да, мама твоя его смерть тяжело переживала. Плакала
несколько дней. Паша тогда часто к нам заглядывал, поддер-
живал ее. Ну и уговорил Наташу в город перебраться, в ин-
ститут поступить. Отец с матерью были ему благодарны. Они
очень хотели, чтобы сестра пошла учиться дальше. Ну а я
на север подался. Да только через месяц возвращаться при-
шлось. На свадьбу твоих родителей, – дядя ненадолго замол-
чал, потом спросил: – Ну что, хватит пока? В другой раз еще
что-нибудь вспомню. Про твоих бабушку с дедушкой я пока
мало рассказал.

– О, а можно тогда напоследок один вопрос? Мама гово-
рила, ваша прабабушка была знахаркой или кем-то похожим.
Что ты об этом знаешь?

– Знахаркой? Ты уверена, что правильно поняла?

– Ну да, уверена.

– Странно. Никогда о таком не слышал. Вообще ни разу. Может, ты перепутала? Вот как раз у Андрея мать была травницей. Люди со всей области к ней приезжали. И из соседних тоже.

– А эта женщина все еще живет в Сосновке?

– Нет, она давно умерла. Почти сразу после смерти сына.

– Грустная история. Но мама точно говорила не про нее. Ладно, спасибо тебе большое! – я попрощалась и отключила телефон. Сидела на диване и размышляла. Все же странно получилось с прабабушкой. Я была уверена, что правильно запомнила мамины слова. Но дядя почему-то не в курсе. Могло ли случиться так, что ему об этом не рассказали? Это выглядело сомнительно. Хотя кто знает? Может, такую информацию передавали только по женской линии? Ладно, разберусь с этим потом. Тут я неожиданно поняла, что у меня больше нет подсказок. И не представляла, что делать дальше.

Утром меня разбудил звонок телефона. Спросонья я не сразу его нащупала, но все же достала с тумбочки и хрипло произнесла в трубку:

– Слушаю.

– Везёт тебе! По голосу слышу, дрыхнешь, – заявила Олеська. – А некоторые уже с раннего утра трудятся.

– Привет! – пробормотала я, откинувшись обратно на подушку. – Чего так рано звонишь? Знаешь ведь, у меня нет

четкого графика.

– Ну извини. Просто в голову пришла хорошая идея, и я решила сразу с тобой поделиться. Вот и не посмотрела на часы.

– Что за идея? О чем? – спросила я без особой заинтересованности, так как до конца еще не проснулась.

– Ну о твоей истории с похищением. Тебя же она взволновала, а говорить с отцом ты не хочешь. Вот я и подумала. Надо узнать у кого-то, кто был близок к вашей семье. Помнишь, ты мне рассказывала о своем крестном? Думаю, он – подходящая кандидатура. Как тебе моя идея?

Я сразу села на кровати и почесала голову. Олеся права, как я сама до этого не додумалась? Крестный – отличная кандидатура во всех смыслах! Во-первых, он папин друг, а во-вторых, служит в органах. А значит, мог быть в курсе всего. Отец наверняка ему позвонил. У кого еще просить совета в сложной ситуации, как не у него?

– Черт, Олеська, это то, что надо! Спасибо за подсказку. Сегодня же позвоню и попрошусь в гости.

– Рада, что смогла помочь, – ответила подружка. – Ладно, расскажешь потом, как поговорили. Мне же теперь тоже интересно.

Попрощавшись с Олесей, я встала с кровати и побродила по комнате, обдумывая эту идею еще раз. Она действительно казалась удачной. Так что я решила не тянуть и сразу позвонила крестному. Он был старше моего отца, но все еще

оставался на службе. А это требовало ранних подъемов.

– Добрый день, Николай Петрович! Это Даша, Кудрявцева, – представилась я, услышав в трубке бодрый голос.

– Здравствуй, Дашенька. А чего так официально? Эх, совсем забыла старика?

– Простите, дядя Коля! Я просто... давно с вами не разговаривала.

– Да, понимаю. Вам с отцом сейчас не до визитов. Как он там, справляется? Конечно, тебе тоже тяжело. Но не забывай: ты единственный человек, который поможет ему это пережить. Как он любил твою маму – я такого больше никогда не встречал.

– Спасибо! Папа пока не очень хорошо справляется. Да и помощь неохотно принимает. Ну, вы его знаете.

– Знаю. Упертый он, и ты тоже в него пошла. Но сейчас надо свой характер придержать. Прошу тебя, будь с ним помягче. Когда в гости заглянешь? – этим своим вопросом крестный значительно облегчил мне задачу.

– Ой, дядя Коля, как раз хотела попроситься. Есть, что обсудить.

– Ну так чего тянуть? Приезжай сегодня вечером к нам домой. Я Любу предупрежу. Она твой любимый пирог испечет. Только вчера о вас спрашивала. Да и у меня будет повод пораньше с работы уйти. Надоело все, давно хочу на пенсию. А не отпускают.

– Спасибо, дядя Коля! Обязательно приеду.

– Вот и отлично. Машина у тебя все та же? Охране надо номер сообщить.

– Да, все по-старому.

Договорившись о времени, мы с крестным попрощались, и я отправилась на кухню готовить завтрак. Пока руки были заняты работой, напрягала голову. Надо было сделать так, чтобы отец не узнал об этом визите. Так что сопровождение в виде Егора мне было совсем ни к чему. Проблема состояла в том, что ехать к дяде Коле на метро было затруднительно. Жил он за городом, в тщательно охраняемом коттеджном поселке. А брать такси туда и обратно для меня теперь слишком дорого.

Обдумав разные варианты, я все же решила рискнуть. Выехать на машине чуть пораньше, немного покататься по району и посмотреть, есть ли за мной хвост. Если что, придется бросить автомобиль у любого метро, проехать несколько станций, а потом вызвать такси. А перед этим можно рискнуть и попробовать оторваться. Представив такое развитие событий, я неожиданно ощутила азарт. Однако мои надежды немного развлечься не оправдались. Сегодня Егор, похоже, покинул свой пост. Целых полчаса я каталась по округе, пока не убедилась в этом окончательно. Только потом поехала к крестному.

Дядя Коля встретил меня прямо у ворот и показал, куда поставить машину. Хотя я и сама это прекрасно помнила, так как была здесь с родителями много раз. Хорошо знала

жену крестного, тетю Любу, и его дочь, Марину. Она была старше меня на восемь лет, и дружбы у нас ввиду разности интересов не получилось. Но друг другу мы симпатизировали и, если представлялась возможность, с удовольствием общались. Впрочем, последний раз это было уже давно. Пять лет назад Марина вышла замуж и переехала к мужу, а вскоре у них родился ребенок.

Дядя Коля проводил меня в дом, и они с женой принялись меня опекать. Накормили очень вкусным ужином, напоили чаем с обещанным пирогом и кучей других лакомств. Аккуратно расспрашивали о том, как я сейчас живу. И тактично проявляли сочувствие, стараясь не уходить в эту тему глубоко. А дальше тетя Люба вспомнила о каких-то своих делах, извинилась и ушла, давая нам с крестным обсудить нужные вопросы.

– Ну что, рассказывай, зачем я тебе понадобился? – предложил дядя Коля. За окном было уже совсем темно. Так что я решила не тянуть и перейти сразу к делу:

– Я тут случайно узнала об одной истории, которая произошла со мной в детстве. Очень странной истории. Родители об этом никогда не говорили. Но думаю, вы о ней знаете. Вот и хочу узнать все подробности. Они для меня очень важны.

– Что за история? – спросил крестный, бросив на меня проницательный взгляд.

– Похищение. Когда мне было полгода. В парке недалеко

от нашей старой квартиры.

– Вот как? – вздохнул крестный, немного поразмышлял, и уточнил: – Почему для тебя это так важно? Тем более, сейчас. Столько лет прошло!

– Это да. Но я не люблю, когда от меня что-то скрывают. Особенно, что касается моей жизни. Мне кажется, я имею право знать правду. Ведь это могло кончиться не так хорошо.

– Почему не спросишь отца?

– С ним сейчас сложно разговаривать. Да и не хочу лишней раз заставлять его вспоминать прошлое. Поэтому попрошу: не говорите ему о нашем разговоре. Он наверняка расстроится.

– Понятно, – дядя Коля задумчиво постучал пальцами по подлокотнику дивана, повернулся ко мне и сказал: – Хорошо. Я тоже считаю, ты имеешь право знать. И не раз предлагал Пашке все тебе рассказать. Но он не хотел. Считал себя виноватым и боялся, что ты не поймешь. Будешь его обвинять.

– То есть, похищение все-таки связано с отцом? – уточнила я.

– Да. Точнее, с его работой. Сама история достаточно банальна. Я курировал тогда Пашкиного начальника, областного депутата. Но когда возникли проблемы, они с твоим отцом не обратились сразу ко мне. Пытались сами разобраться. Суть вот в чем: их хотели заставить пойти на одну сделку, а они отказались. И неправильно оценили риски. Дума-

ли, оппоненты не пойдут на крайние меры. Хотя основное правило в таком случае: защитить самые уязвимые места, то есть семьи. Вот по ним и ударили. В один день похитили тебя и сына депутата. Далекo не увозили, просто спрятали ненадолго и заставили родителей сходить с ума. Это было лишь предупреждением, попыткой давления. Вот после этого уже подключился я. И вопрос быстро решился, буквально за пару дней, – дядя Коля участливо взглянул на меня и произнес: – Ты можешь совершенно спокойно забыть об этом. Все осталось в прошлом. Этой угрозы давно уже нет.

– Их посадили? – тихо спросила я.

– Нет. Мы сами разобрались. Неофициально. Не беспокойся, это не менее надежно. Даже наоборот.

– Вы уверены, что это все из-за отца? У мамы не было таких недоброжелателей? – все же рискнула уточнить я.

– У Наташи? Конечно, нет! При чем тут она? – удивился собеседник. Я лишь неопределенно пожала плечами и задала следующий вопрос:

– Почему моя няня уснула в парке, когда меня украли? Это было случайностью?

– Нет. Насколько я помню, ее отвлекли и вкололи в бутылку с водой снотворное.

– А что за цветок был у меня в руках, когда нашли коляску? Он что-то означал?

– Цветок? Не помню ни о каком цветке, извини.

– Ясно. Большое спасибо, что рассказали.

– Обращайся, Дашенька! С любыми вопросами. Ты же знаешь, я всегда помогу.

Мы оба поднялись с дивана, крестный обнял меня за плечи и легонько похлопал по спине. Потом они с тетей Любой проводили меня до машины.

4.1

Я ехала домой и перебирала в памяти все, что услышала. И ощущала странное разочарование. От разговора с крестным я ожидала гораздо большего. Надеюсь, его рассказ хоть что-то мне объяснит. Но в своих ожиданиях обманулась, яснее не стало. Судя по услышанному мной эта история с похищением вообще не имеет никакого отношения к маме. Для чего тогда была ее первая подсказка? Может, я пропускаю что-то важное? Но что??

Так ничего и не надумав, я добралась до дома. И тут меня ждал сюрприз. Около подъезда прохаживался отец. Его машина с шофером внутри стояла немного в стороне, вдоль тротуара. На секунду сбившись с шага, я с досадой качнула головой и подошла ближе.

– Здравствуй, – спокойно сказал папа. – Накормишь меня ужином? Или вход в твою квартиру теперь для меня закрыт?

– Звучит слишком мелодраматично, не находишь? – усмехнулась я и кивнула на входную дверь: – Проходи.

Мы молча поднялись на лифте, и я впустила нежданного гостя к себе. Бегло осмотревшись, папа пришел на кухню, где я разогревала еду, достав ее из холодильника.

– Ну что ж, неплохо. Не о таком я мечтал для своей дочери, но на первое время сойдет, – он аккуратно пристроился на стуле у стены и повертел головой, разглядывая кухню. По

какой-то причине сейчас она показалась мне меньше, чем обычно. Похоже, отец одним своим присутствием влиял на окружающую обстановку. Или это я так ощущала его давление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.